

ЕКАТЕРИНА ПОГОРЕЛЬСКАЯ

НАШЕ С ТОБОЮ ТЕПЛО

Погорельская Екатерина

Наше с тобою тепло.

«Автор»
2026

Екатерина П.

Наше с тобою тепло. / П. Екатерина — «Автор», 2026

Одно лето может изменить целую жизнь. Дружба, первые чувства, беззаботные прогулки и обещания, которые кажутся вечными Но время не стоит на месте, а взросление приносит новые встречи, расставания и непростые решения.Для Даши каждый сезон становится частью большой истории — с радостью, сомнениями, надеждами и разбитым сердцем. Как сохранить то, что дорого, когда всё вокруг меняется? И можно ли снова поверить в тепло, если однажды оно уже причинило боль?История о первой любви, настоящей дружбе и чувствах, которые не зависят от времени года

© Екатерина П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тёплая точка отсчёта 6
Глава 2. Когда просто — это счастье 17
Глава 3. Время отдыха 34
Глава 4. На одной волне 42
Глава 5. Точка замерзания 56
Глава 6. Точка замерзания 67
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Погорельская Екатерина
Наше с тобою тепло.

Глава 1. Тёплая точка отсчёта

Во дворе пахло прогретым асфальтом, свежескошенной травой и чем-то неуловимым, почти волшебным — может быть, свободой. Солнце лениво скользило по крышам, оставляя золотистые блики на старом заборе и детской площадке. Был первый день летних каникул, и казалось, что впереди — целая вечность.

Компания друзей собралась у старых качелей. Трое парней — Макс, Илья и Тимур, и две девушки — Лера и Даша. Все они были подростками, почти взрослыми, но с искрами детства всё ещё светившимися в глазах.

— Ну что, ребята, — с воодушевлением начал Макс, перекидывая мяч из руки в руку, — кто первый на футбол?

— Только не я, — хмыкнула Валерия, устраиваясь поудобнее на краю скамейки. — Я сегодня в режиме наблюдателя. Новые кроссовки берегу, между прочим.

— Ага, как же, — засмеялся Илья. — Через пять минут сама попросишь мяч подать.

Даша, щурясь от солнца, посмотрела на небо:
— Знаете, какое странное ощущение… Будто время остановилось. Утром просыпаешься — и никуда не надо. Ни школы, ни уроков, ни этих дурацких контрольных.

— Это не странно, это кайф, — отозвался Тимур и плюхнулся на траву. — Свобода, детка!

— Только мама с утра заставила окна мыть, — пробормотал Макс. — Так что не совсем свобода.

Все засмеялись. Смех был лёгким, искренним, как шорох листвы под ветерком.

— А давайте сегодня доживём до заката здесь? — предложила Лера, вытянув ноги вперёд. — Просто сидеть, болтать и никуда не спешить.

— И пить лимонад! — добавила Даша, вытаскивая из рюкзака бутылку с прозрачной жидкостью и парой лимонных кружков внутри.

— И вспоминать, как нас выгоняли с урока за жвачку, — добавил Илья. — Или за то, что Тимур нарисовал на доске портрет биологички в образе ведьмы.

— Это был шедевр, между прочим, — гордо заявил Тимур. — Я бы ему место в рамке нашёл!

Они смеялись, перебивали друг друга, строили планы — о поездке на озеро, ночёвках в палатках, фильмах под открытым небом. Лето только начиналось, и каждый чувствовал это кожей: ощущение, что возможно всё.

А в голове у Даши звучала тихая, почти неуловимая мысль:

«Вот бы запомнить этот день. Вот так, до мельчайших деталей. Потому что такие моменты — самые настоящие. Самые живые».

И пока солнце медленно скользило к закату, подростки во дворе продолжали смеяться, спорить, мечтать — и просто быть вместе.

Солнце мягко стекало по облупленным стенам домов, освещая двор, где пахло чем-то родным — горячим асфальтом, цветущей сиренью и началом свободы. Тот самый первый день каникул. Первый день после девятого класса.

Пять человек — трое парней и две девушки — сидели на старых качелях и скамейках возле карусели, которую давно никто не крутил. Двор казался замершим — только ветер трепал листву да где-то вдали лаяла собака. Мир затаился, чтобы дать им вздохнуть.

— Всё, ребята, — Макс раскинул руки, будто обнимая небо, — школу можно вычёркивать! Он перевёл дух. — Остались экзамены, но по сути — мы уже свободны.

— «По сути» — это как? — усмехнулась Валерия, разглядывая свои ногти. — Ты видел математику? Или тебе не показали это чудовище?

— Лера, не порти момент, — взмолился Тимур. — Дай нам хоть день пожить без паники.

Илья молча сидел, глядя на носки своих кед. Он часто молчал, но не потому, что ему нечего было сказать. Он просто слушал.

— Я вот… — неожиданно заговорила Даша, — сегодня утром проснулась и не поняла сразу, что каникулы. Показалось, что проспала урок. А потом вспомнила — и так легко стало. — Она вздохнула. — И в то же время страшно. Будто всё хорошее осталось там, за дверью школы. А дальше — только экзамены, колледжи, новые люди...

— Может, и так, — кивнул Илья, — но знаешь... мне кажется, мы ещё не раз встретимся во дворе. Даже если разъедемся по разным местам.

— Надеюсь, — тихо сказала Валерия. — Но ведь всё может измениться. Мы можем измениться...

Макс встал, начал небрежно пинать камешки ногой.

— Ну, это нормально, — бросил он через плечо. — Мы должны меняться. Главное — не забывать друг друга.

Тимур вдруг резко выпрямился и сказал:

— А давайте пообещаем. Не теряться. Не становиться чужими. И не притворяться, что «всё было просто весёлое время в детстве».

— Я не хочу быть просто «воспоминанием», — прошептала Даша.

— Ты уже не воспоминание, — вдруг вырвалось у Ильи. Он покраснел и отвёл взгляд.

На секунду повисла тишина. Ветер прошелестел по листве, будто подслушал и захотел сохранить эту фразу.

Макс рассмеялся неловко:
— Ну всё, поэт пошёл. Давайте уже, кто за лимонадом? Я угощаю.

— Только если потом ты не сбежишь домой под предлогом «подготовки», — прищурилась Лера.

— Да что вы в меня сегодня вцепились? Я вообще-то переживаю, между прочим! — Макс уселся обратно и подбросил мяч вверх. — Вдруг не поступлю?

— А вдруг поступишь и встретишь кого-нибудь классного? — поддержал Тимур. — Может, даже девушку, которая не будет смеяться над твоими тупыми шутками.

— Эй!

— Я вот хочу в медицинский, — тихо сказала Даша. — Думаете, справлюсь?

— Ты справишься, — твёрдо ответил Илья. — Если кто и сможет спасти мир — так это ты.

Даша улыбнулась и почувствовала, как внутри защекотало — лёгкое, как солнечный луч, чувство. Не то влюблённость, не то благодарность. Или всё вместе.

Они ещё долго сидели — говорили о планах, спорили о лучших колледжах, делились страхами и мечтами. Где-то в середине разговора они вдруг замолчали. Просто слушали друг друга дышать, чувствуя, что это лето — их мостик между прошлым и будущим. Тонкий, дрожащий, но крепкий.

«Вот бы остановить это мгновение», — подумала Даша. — «Спрятать его в коробочку. И когда станет страшно — доставать, прижимать к сердцу и помнить: всё начиналось с дружбы. С этих лиц. С этого солнца. С этих голосов».

Солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая дома в тёплый медово-оранжевый цвет. Асфальт был тёплым под подошвами, а в воздухе витала та самая лёгкость — когда никуда не спешишь и можешь просто идти рядом с друзьями, говорить обо всём и ни о чём.

Они пошли гулять. Без маршрута, без цели — просто так, следуя за ветром и своими шагами.

Макс шёл впереди, жонглируя мячом и время от времени оглядываясь:
— Куда свернём? К озеру? В парк? Или сразу за мороженым?

— Мороженое — звучит как цель всей жизни, — провозгласил Тимур. — Я за.

— Вечно ты о еде, — фыркнула Валерия, но усмехнулась. — Хотя… пломбир с карамелью — это святое.

Даша шла рядом с Ильёй. Они молчали, но это было хорошее молчание — такое, где слов не нужно. Илья, чуть склонив голову, наблюдал за её профилем. В рыжеватом свете её волосы казались почти золотыми.

«Как можно просто идти рядом и чувствовать так много? — думал он. — Почему именно сейчас хочется взять её за руку, но страшно испортить момент?»

Даша вдруг заговорила, не глядя на него:
— Помнишь, как в седьмом классе мы все ссорились из-за дурацкой игры?

— Помню. Я тогда даже придумал план, как всех помирить… но не решился рассказать.

Она рассмеялась:
— Ты всегда был молчаливым стратегом.

— А ты — единственная, кто тогда подошла ко мне и спросила: «Ты вообще живой?»

— Слушай, ну я правда думала, что ты бот.

Илья хмыкнул, а потом неожиданно сказал:
— А ты была первой, кто сделал меня настоящим.

Она повернулась к нему с удивлением, и что-то в её взгляде изменилось. Неуловимо, но ясно. Внутри всё потеплело, будто сердце приняло глоток солнца.

Они дошли до старого магазина с жёлтой вывеской. Рядом с ним — лавочка, покрытая граффити и сердечками с инициалами. Макс, как всегда, первым влетел внутрь:
— Два пломбира, один фисташковый, и мне, пожалуйста, «самое шоколадное мороженое на свете».

— Опять этот ад в вафельном стаканчике, — покачал головой Тимур. — Ты же потом весь в нём будешь.

Лера сделала фото на телефон, и её голос прозвучал почти задумчиво:
— Когда-нибудь мы посмотрим на эту фотку и скажем: «Вот они, последние дни беззаботности».

— Ага, а на заднем плане Макс с мороженым на носу, — рассмеялась Даша.

Макс в ответ демонстративно мазнул шоколадом себе под нос:
— Вот так, дети. Учитесь у мастеров.

Они сели на лавочку, делясь мороженым, шутками, воспоминаниями. Вечер опускался мягко, как любимое одеяло, а в небе зажигались первые звёзды.

Илья всё-таки решился — лёгким движением его ладонь нащупала руку Даши. Она не отдёрнула. Напротив — сжала её чуть крепче.

«Это началось не сегодня», — подумал он. — «Но, может быть, сегодня всё и правда стало настоящим».

Смех друзей разносился по пустынным улочкам, оставляя за собой тёплый след. И никто не говорил вслух, но каждый знал — это лето они будут помнить всегда. Потому что именно оно сделало их старше, честнее и, возможно, счастливее.

Начало темнеть.

Небо медленно стягивало на себя тёмно-синий покров. Огни фонарей один за другим вспыхивали на улицах, бросая мягкое, рассеянное свечение на асфальт. Воздух стал прохладнее, но не зябко — приятно, свежо, словно сама природа подсказывала: «Время возвращаться домой».

— Ну что, обратно? — первым нарушил тишину Макс, запуская мяч в воздух. Он подбросил его и поймал в ладони. — Двор ждёт героев дня.

— Герои, говоришь, — устало, но с улыбкой отозвалась Валерия. — У меня в ногах уже чувство, будто мы обошли полгорода.

— Мы обошли полгорода, — поправил её Тимур. — И ни разу не пожалели.

— Ага, кроме момента, когда ты пытался запеть под уличного музыканта, — усмехнулась Даша. — Это была пытка, а не серенада.

— Эй! Я вдохновлялся атмосферой!

— Атмосфера бежала в панике, — хихикнула Лера.

Илья молча улыбался, глядя, как друзья перебрасываются словами, как смеются, перебивают друг друга. Ему нравилось быть среди них. Просто идти рядом. Быть частью чего-то живого, настоящего.

«Как будто всё ещё впереди, и при этом что-то уже уходит», — подумал он. — «И вот мы идём в наш двор — и не просто идём. Мы прощаемся с чем-то. Может, с наивностью. Может, с детством».

Когда они свернули на знакомую улицу, стало вдруг очень тихо. Их двор встретил их так, как встречает старый друг: терпеливо, с открытыми объятиями. Лавочки стояли на тех же местах. Те же качели слегка поскрипывали на ветру. Тени деревьев легли длинными полосами, а свет фонарей рисовал мягкие ореолы вокруг них.

— Как будто нас тут ждали, — прошептала Даша.

— Потому что нас тут и правда ждали, — тихо сказал Илья.

Макс кинул мяч на землю, подошёл к качелям и сел, раскачиваясь вперёд-назад.

— Сколько всего тут было, — проговорил он, глядя в темнеющее небо. — Помните, как мы строили шалаш за сараем? Или как в третьем классе я упал с качели, и вы все делали вид, что не ржёте?

— Я не делала вид, — фыркнула Валерия. — Я ржала открыто. Но потом принесла тебе мороженое. Всё по-честному.

Они расселись кто где — на бордюрах, на лавке, прямо на траве. Никому не хотелось уходить.

— Странно, да? — произнёс Тимур. — Мы всё время мечтали поскорее вырасти. А теперь… чуть грустно. Как будто мы уже вырастаем.

— Мы просто начинаем, — мягко ответила Даша. — В этом и грусть, и красота.

Илья взглянул на неё. В её голосе было что-то особенное — тихая сила, понимание, которое редко встретишь в подростках. Он снова подумал, как хочется остановить этот момент.

— Я, наверное, буду скучать по каждому дню, — вдруг сказала Лера, глядя на свои ладони. — Даже по скучным. Даже по дождливым.

Макс сорвался с качелей и, глядя куда-то вверх, сказал:
— А давайте... просто пообещаем себе. Что даже если нас разнесёт по разным колледжам, городам, мечтам — мы не потеряем друг друга. Ни здесь, — он указал на сердце, — ни вот тут, — и постучал по виску.

Все замолчали. Эти слова были неожиданными. Искренними. Важными.

Илья первым протянул руку.
— Договорились.

Остальные по очереди сложили ладони в круг, как раньше — в детстве, когда клялись хранить секрет или идти «в разведку» вместе.

— До конца, — шепнула Даша.

Сверху посыпались звёзды. И казалось, будто сама Вселенная услышала их клятву.

Они сидели и смотрели на звёзды.

Небо над двором было удивительно ясным. Ни облачка. Только глубокая бархатная синева и россыпь маленьких огоньков, будто кто-то рассыпал свет по бескрайнему куполу. Где-то за домами слышался лай собаки, а на скамейке рядом потрескивало дерево — кто-то когда-то выжег там надпись, и теперь эта лавочка стала почти священной.

Макс улёгся прямо на траву, закинув руки за голову:
— Слушайте… вот если подумать, каждая из этих звёзд — как мы. Точки. Огни. Кому-то заметные, кому-то — нет. Но мы есть.

— Глубоко копаешь, — усмехнулся Тимур, вытянув ноги и подперев щеку кулаком. — А всего-то мороженого съел.

— Нет, правда. Посмотрите. Мы такие маленькие под этим небом. И такие... живые.

Валерия прижала колени к груди, обняв их. На лице её играла мягкая полуулыбка.
— Я когда смотрю на звёзды, всегда думаю, что кто-то, может, тоже сейчас смотрит в нашу сторону. Из какой-нибудь далёкой галактики. Сидит такой на своём балконе и гадает: «А кто вы там, люди на голубой планете?»

— Надеюсь, он не видит, как мы ели мороженое, — сказала Даша, и они тихо засмеялись.

Илья молчал. Он сидел чуть в стороне, вытянув ноги на бетонную плиту, глядя вверх, и чувствовал, как внутри нарастает чувство странного счастья. Оно было не ярким, а каким-то мягким, почти хрупким, как свет далёкой звезды.

«Вот она, жизнь», — подумал он. — «Вот ради чего хочется жить. Ради таких моментов. Простых. Тёплых. Когда рядом те, кого ты любишь, и ничего не надо объяснять».

Он повернулся к Даше. Она тоже молчала, подперев щёку и наблюдая за небом.

— Хочешь загадать звезду? — тихо спросил он.

Она обернулась, глянула на него долгим взглядом.
— Если я скажу «да», это будет слишком по-фильмовому?

— Мне как раз хочется, чтобы всё было по-фильмовому, — ответил Илья, и их пальцы на мгновение коснулись друг друга.

Макс, как всегда, сбил трогательность момента:
— А вот вы смеётесь, а я уже загадал. Чтобы лето длилось дольше. Чтобы никто не уехал. Чтобы...

Он вдруг замолчал. Потом тихо добавил:
— Чтобы мы все были счастливы. Неважно где, неважно с кем. Главное — не забывали друг друга.

В этот момент в небе промелькнула звезда. Быстро. Как будто торопилась.

— Видели?! — воскликнула Лера. — У кого-то из нас точно сбудется.

Даша снова посмотрела на Илью. Он мягко улыбался, а в его глазах было столько света, что ей стало тепло.

— А я ничего не загадывала, — прошептала она.

— Почему?

— Потому что всё, что я хотела, уже происходит.

Он не ответил — просто взял её за руку. Осторожно, как берут что-то очень ценное.

И они снова замолчали. Пять подростков. Одна скамейка. Одна ночь. И бесконечное небо, полное звёзд и надежд.

Тишину, как капля дождя в воду, нарушил первый звонок.

Зазвонил телефон у Леры. Почти сразу — у Тимура, затем у Ильи. Звонки словно прошлись цепочкой, напоминая о времени, которое ускользало незаметно, как летняя ночь.

— Мам, да… уже идём, — ответила Валерия, поднимаясь с травы. В её голосе звучало лёгкое разочарование — будто отрывают от чего-то важного, от сна, в котором хочется остаться подольше.

— Да, всё хорошо… нет, не замёрз… — Тимур улыбался в трубку, кивая, хотя никто этого не видел. — Хорошо, через пять минут буду.

Макс выключил телефон, не дослушав:
— Классика. Только стало по-настоящему хорошо — и домой.

— Как в жизни, — пробормотал Илья, вставая на ноги. Он медленно стряхнул с джинсов траву и взглянул на звёзды в последний раз. «Эти мгновения всегда самые короткие. Зато самые настоящие».

Даша вздохнула, обнимая себя за плечи, как будто пыталась сохранить тепло этого вечера:
— Жалко уходить. Такое ощущение… будто что-то заканчивается.

— Да ладно вам, — попытался приободрить всех Макс, — завтра выйдем опять. И послезавтра. Это ж только начало.

— Но уже не будет точно так же, — тихо сказала Лера. — Этот вечер — он был особенным.

Они переглянулись. Да. Это было правдой. Что-то едва уловимое, но очень важное осталось в этом воздухе, в этой траве, в небе над их головами.

— Ну что, — проговорил Тимур, — разбегаемся?

— Встретимся завтра утром? — спросила Даша, и в её голосе проскользнула надежда.

— Обязательно, — кивнул Илья, глядя ей в глаза.

Они не обнимались. Не шумели. Просто стояли в кругу, в котором всё ещё чувствовалась невидимая связь. Затем по одному начали расходиться — кто к дому у подъезда, кто к калитке во двор, кто к окну на первом этаже, куда уже светила настольная лампа и выглядывала мама.

Макс, уходя последним, оглянулся и сказал:

— Запомните это лето. Оно будет особенным. Я чувствую.

Валерия повернулась, улыбнулась и крикнула:
— Главное — чтобы мы сами его сделали особенным.

Фонари продолжали мягко светить, и двор опустел. Но в воздухе всё ещё витала тёплая тень детства и начало чего-то нового. Как будто вечер шептал: «До завтра, ребята. До новых воспоминаний».

Даша медленно подошла к своему дому. Под ногами хрустела сухая трава, а в тёплом воздухе всё ещё витал аромат липы и чего-то родного — дворового, летнего, беззаботного.

Она остановилась у подъезда, на секунду замешкалась, обернулась.

Друзья уже скрылись в своих домах. Где-то хлопнула дверь, в другом окне мигнул свет. Двор опустел, но в нём всё ещё будто звучал их смех, отголоски разговоров, шорох звёздной ночи. В груди защемило — странное, приятное чувство лёгкой грусти и чего-то важного, что невозможно объяснить.

«Как быстро всё заканчивается…» — подумала она и выдохнула.

Свет фонаря отбрасывал её тень на серую стену подъезда. Девочка на этой тени казалась старше, взрослее, словно за этот вечер она сделала ещё один шаг — куда-то вперёд, в неизвестное, но манящее будущее.

Она нажала кнопку домофона. Послышался короткий сигнал — щелчок, и тяжёлая дверь с привычным скрипом открылась.

— Это была идеальная ночь, — прошептала Даша себе под нос, словно боясь спугнуть воспоминание. — Пусть она сохранится. Пожалуйста.

На ступеньках подъезда было прохладнее. Серые стены, слегка потрёпанные временем, пахли сыростью и чем-то знакомым — как будто детством. Где-то наверху захлопнулась ещё одна дверь, и в воздухе замерла тишина.

Поднявшись на второй этаж, она остановилась у своей квартиры. Изнутри доносился глухой звук телевизора — папа, наверное, опять смотрит новости. Мама, скорее всего, уже спит. Её ладонь на мгновение зависла над дверной ручкой. Она будто хотела задержать это мгновение, не впуская в него ни привычек, ни рутины.

«А если завтра всё изменится? А если больше не будет таких вечеров?»

Но потом она улыбнулась. Спокойно, по-настоящему. Потому что знала: в этом лете, в этих друзьях, в этих звёздах — что-то особенное. Что-то, что останется навсегда.

Она тихо повернула ключ, приоткрыла дверь и скользнула внутрь, оставив за спиной ночь, наполненную тайной и светом. И перед тем как закрыть её, на мгновение оглянулась назад — туда, где только что были они все.

«До завтра», — сказала она мысленно, и с мягким щелчком дверь закрылась.

Она вошла в квартиру. В нос тут же ударил знакомый запах — что-то тёплое, домашнее: немного ванили, немного стираного белья, немного папиного одеколона. Всё было таким, каким она оставила несколько часов назад, но казалось, будто за вечер сама она стала другой.

В прихожей было полутемно. Лишь из гостиной струился мягкий, мерцающий свет телевизора. Он отбрасывал на стену бледные, движущиеся тени.

— Тсс, не шуми, — прошептал папа, обернувшись на звук двери.

Он сидел в кресле, полулёжа, укрывшись пледом. На коленях у него устроился её младший брат Артём — щуплый восьмилетний мальчишка с растрёпанной чёлкой. Он уставился в экран, даже не повернув головы, — полностью поглощённый кино.

На экране мелькали яркие кадры: космос, звёзды, планеты. Как будто отражение её вечера.

— Как кино? — тихо спросила Даша, снимая кеды и аккуратно ставя их у стены.

— Круто, — не отвлекаясь, буркнул Тёма. — Там корабль потерялся в чёрной дыре. Но капитан сказал, что найдёт путь назад.

— Молодец капитан, — улыбнулась она. — Главное — не терять веру.

Папа подмигнул ей и кивнул в сторону коридора:
— Всё нормально у тебя? Где была?

— Гуляла с ребятами… Просто сидели, разговаривали.

— Хорошо. — Он не стал спрашивать больше, но в его взгляде было то особенное отцовское понимание: он знал, что для неё этот вечер был важным. — Иди, отдыхай.

Даша кивнула и почти бесшумно проскользнула мимо, стараясь не скрипнуть половицей. Её комната встретила её тишиной и мягким полумраком. Сквозь занавеску пробивался лунный свет, лаская подоконник и рассыпаясь на ковре как серебро.

Она опустилась на край кровати, прислушиваясь к собственному дыханию. Сбросила рюкзак, сняла кофту, огляделась. Комната — её маленький мир. На стене — фотографии, открытки, рисунки. На столе — блокнот, в котором она иногда записывала свои мысли. И кружка с давно остывшим чаем.

«Сегодня был не просто день. Это был день, который останется со мной навсегда», — подумала она, откинувшись на подушку.

На секунду захотелось вернуться назад — в тот тёплый двор, к звёздам, к друзьям. Услышать смех Макса, саркастичную реплику Леры, тёплый голос Ильи, взгляд Тимура. Почувствовать, как рука соприкасается с рукой.

Она взяла в руки блокнот, открыла свежую страницу и написала:

«Они были рядом. И этого было достаточно, чтобы почувствовать себя счастливой. А небо было выше, чем когда-либо. Наверное, потому что мы научились смотреть в него по-другому».

Она медленно отложила ручку, легла на кровать, укутавшись одеялом по плечи. За окном шелестела ночь, город засыпал, а внутри — всё ещё жило это тёплое лето, этот вечер, этот миг.

«До завтра…» — подумала Даша, и с лёгкой улыбкой на губах закрыла глаза.

Глава 2. Когда просто — это счастье

Даша переоделась в любимую домашнюю пижаму — мягкую, уютную, с выцветшими звёздочками. В ней она всегда чувствовала себя как в коконе: защищённой, расслабленной, будто снова маленькой девочкой. Потянувшись и сладко зевнув, она вышла из комнаты и направилась на кухню, где царила привычная вечерняя полутьма.

На кухне горела одна лампа над плитой, бросая тёплый круг света на стол. Воздух был насыщен запахом чего-то вкусного — мама, как всегда, оставила ужин. На тарелке под крышкой дожидалась порция макарон с курицей, а рядом стоял салат из помидоров с зеленью. Рядом лежала записка на розовом листочке с круглым почерком:

«Поешь, солнышко. Всё свежее. Мама».

Даша улыбнулась, села за стол и медленно начала есть, чувствуя лёгкий, приятный голод. В теле разливалось то самое вечернее утомление после долгой прогулки — не изнуряющее, а почти медитативное. Она подперла подбородок рукой и уставилась в окно, где в темноте мерцали огоньки соседних домов.

«Интересно, кто сейчас что делает? Макс, наверное, лежит и перебирает шутки, которые не успел сказать. Илья точно смотрит в потолок и анализирует наш вечер как философ. А Лера… Лера, наверно, уже пишет кому-то огромный текст о том, как важно ценить мгновения. А Тимур…»

Она остановилась на этой мысли. Почему-то именно о нём она думала чуть дольше. Его взгляд. Его молчание. Его редкие, но точные слова. Что-то в нём изменилось за этот вечер. Или это в ней?

Даша покачала головой и усмехнулась самой себе:
— Вот и начинается, Дашка… Переела звёзд, — тихо прошептала она, доедая салат.

Вдруг дверь кухни приоткрылась, и появился Артём — заспанный, в пижаме с машинками.
— Ты ещё не спишь? — зевнул он, потирая глаза.
— Вот теперь доедаю. А ты чего?
— Хотел воды… — Он взял стакан, налил себе и с серьёзным видом выпил. — А звёзды сегодня крутые были. Видел из окна.
— Ага, — кивнула Даша. — Там всё круто сегодня было.
— Ты грустная?

Она замерла на секунду. Потом нежно тряхнула его за лохматую голову.
— Нет, мелкий. Просто думаю. Иногда и это нужно.
— Ладно. Только не думай сильно. А то башка лопнет.

Он выдал это с совершенно серьёзным видом и ушёл обратно, оставив за собой лишь тихий скрип двери.

Когда тарелка опустела, а чай в кружке остыл до приятного тепла, Даша поднялась, убрала за собой и ещё раз выглянула в окно. Ночь была тихая. Лето — впереди. А внутри — странное спокойствие и щемящая, но красивая неизвестность.

Поставив в раковину аккуратно ополоснутую тарелку, Даша задержалась на кухне на пару секунд. Её ладонь скользнула по деревянной спинке стула — жест почти машинальный, но почему-то тёплый. Она глубоко вдохнула, ощущая тонкий аромат вечернего чая с мятой и немного усталого, домашнего уюта. В доме было тихо, как будто он тоже готовился ко сну.

«Завтра — новый день. И, может быть, новое чувство…»

Она выключила свет и направилась обратно в свою комнату.
— Спокойной ночи, дом, — прошептала она.

Коридор встретил её приглушённым светом из-под двери родительской спальни. Младший брат, как оказалось, уже уснул прямо перед экраном телевизора, свернувшись клубочком на диване. Папа, прикрыв глаза, тихо дремал рядом.

Даша остановилась, улыбнулась уголками губ. Это был их вечерний ритуал — как будто ничто не меняется. И всё же она знала: всё уже начинает меняться.

Она тихо подошла к брату, набросила на него плед и осторожно выключила звук. Потом — быстрый взгляд на папу. Он слегка приоткрыл один глаз и кивнул ей.
— Уже спать? — прошептал он.
— Угу. Всё хорошо. Спокойной ночи, пап.
— Спокойной, Дашенька.

Вернувшись к себе в комнату, Даша прикрыла за собой дверь. Свет ночника мягко растёкся по стенам, отбрасывая тени плюшевых игрушек и стопки книг на подоконнике. Она скинула пижаму на кровать, села перед зеркалом и расчесала волосы. Каждое движение было медленным, почти ритуальным — как будто она развязывала узел дня, расплетала эмоции и воспоминания.

«Хороший был день. Тёплый. Живой. И такой… настоящий. Когда просто рядом, и больше ничего не нужно».

Она прижалась лбом к холодному стеклу окна, глядя в ночное небо. Где-то там, за домами, те же звёзды смотрели на её друзей. Может быть, кто-то из них тоже сейчас не спит. Может, думает о ней.

— Глупости, — улыбнулась она себе. — Или не совсем?

Залезла под одеяло, обняв старого мягкого мишку, который всегда был с ней — с первого класса. Потянулась к телефону, но потом передумала — не хотелось терять ощущение вечера.
— Завтра напишу… всем.

Свет ночника погас, и комната погрузилась в полумрак. Только сердце продолжало отбивать свой ритм — тёплый, спокойный, немного волнующий. Впереди была ночь. А за ней — целое лето. И что-то, о чём пока ещё страшно говорить вслух.

«Интересно, каким будет завтра?»

С этой мыслью Даша провалилась в сон, унося с собой звёзды, голоса друзей и шорох травы под ногами.

Ночь растворилась в неведомом сиянии, и Даша словно проскользнула сквозь прозрачную завесу в другой мир — лёгкий, будто сотканный из света и музыки. Она шла босиком по залитому лунным светом лугу. Трава щекотала щиколотки, воздух был наполнен ароматом сирени и далёких костров.

Небо над ней не было просто чёрным — оно дышало: то вспыхивало звёздами, то растворялось в фиолетовой дымке. Всё было одновременно знакомым и чужим — как место, где уже когда-то побывал во сне и забыл, но сердце всё равно помнит.

Издалека доносился смех. Тёплый, родной.
— Даша! — окликнули её.

Она обернулась — и увидела их: Макс, Лера, Тимур, Илья. Они сидели на старом качающемся мостике, перекинутом через речку, которой никогда не было во дворе. Смеялись, размахивали ногами над водой, обсуждали что-то своё, светлое. Мостик покачивался, но никто не боялся упасть.

Она подбежала к ним, но ноги были как в вате — всё замедлилось, как будто само время вдруг стало вязким. Но ей всё равно было легко. Сердце колотилось от радости, от этого «вместе». Она почти уже дотронулась до Тимура, как вдруг…

Мост начал раскачиваться сильнее. Волны внизу вспенились. Всё стало расплываться. Смех друзей потонул в гуле ветра.
— Не уходите, — прошептала Даша, — подождите… Я ведь… Я только…

Они смотрели на неё, всё ещё улыбающиеся, но отдалялись. Один за другим, словно растворялись в воздухе, оставляя только эхо голосов и тепло. Остался только Тимур. Он не сказал ни слова. Просто посмотрел — внимательно, тихо, с какой-то нежностью. И шагнул к ней навстречу.
— Даша, — сказал он вдруг. — Твоё лето начинается.

И в этот момент она проснулась.

Проснулась Даша не сразу. Сон ещё держал её в своих мягких объятиях, как будто не хотел отпускать. Она перевернулась на другой бок, уткнувшись щекой в подушку, и только потом медленно приоткрыла глаза. Комната была залита утренним светом — тёплым, немного пыльным, как будто сквозь янтарную вуаль.

На секунду она не поняла, где находится. В голове всё ещё звучал голос Тимура: «Твоё лето начинается…»

— Странный сон, — прошептала она, садясь на кровати. — Но такой… красивый.

Она потянулась, сладко зевнула, вдохнула свежий утренний воздух, который струился из приоткрытого окна. Где-то на улице орала чайка, и прозвенел звонок велосипеда. Город просыпался.

— Так, зарядка. — Она встала, откинула одеяло и босыми ногами ступила на прохладный ковёр. — Новый день. Новое я. Ну, или почти новое.

Сначала — лёгкие наклоны. Потом повороты корпуса, вращения рук, прыжки. Под музыку в голове — что-то весёлое, ритмичное, из того, что они слушали с Лерой накануне. Волосы развевались, пижама мешалась, но Даша чувствовала себя свободной, будто каждое движение выталкивало из тела остатки сна и тревог.

— Если бы меня сейчас видели… — усмехнулась она себе в зеркало. — Подумают, будто я спортсменка. Хотя… может, я и правда начну бегать? С утра. Летом. По двору. Или хотя бы до магазина.

Последний вдох, выдох — и руки вверх, как будто тянется к чему-то важному. К звёздам, к мечтам, к чему-то, что только начинается. Она улыбнулась своему отражению — немного лукаво, немного по-настоящему.

— Ладно, мир. Я готова.

И с этими словами она направилась в ванную, чтобы умыться и начать утро по-настоящему.

Даша зашла в ванную, прищурившись от яркого света лампочки, которая резко контрастировала с мягким утренним светом её комнаты. Зеркало чуть запотело — видно, папа уже успел принять душ. На полочке стояли привычные флаконы: мамины кремы, папина пена для бритья и её собственный — фиолетовый гель для умывания с запахом лесных ягод.

Она включила холодную воду, и кран зашипел, будто просыпался вместе с ней. Ладони наполнились прохладой, и Даша плеснула воду на лицо, вздрогнув от резкости.

— Уф… — выдохнула она, глядя в зеркало, по которому стекала капля. — Теперь точно проснулась.

Внутри будто прояснилось. Сон, с его полузабытыми словами и образами, остался где-то на краю сознания. Лицо освежилось, щёки порозовели. Она потянулась к полотенцу и аккуратно промокнула кожу.

— Новое утро. Новая я, — с ухмылкой проговорила она своему отражению. — Надеюсь, сегодня никто не увидит, как я разговариваю с зеркалом.

Глаза в зеркале блестели — с оттенком чего-то нового, предвкушающего. Наверное, это и есть начало тех самых перемен, о которых говорили взрослые. О которых шептала ночь.

На мгновение Даша задержала взгляд на себе — не просто как на подростке, только что закончившем 9 класс, а как на человеке, у которого впереди целое лето. Лето с друзьями. С тайнами. И, возможно, с чем-то, что перевернёт её мир.

— Пора завтракать, — сказала она, поправляя прядь за ухо. — И идти навстречу новому дню.

Она вышла из ванной, мягко прикрыв за собой дверь, и запахи с кухни уже начали звать её дальше.

На кухне пахло уютом. Не просто едой — а именно уютом. Тёплый, чуть сладковатый запах свежего хлеба вперемешку с ванилью и слабым ароматом кофе, который папа снова поставил вариться с утра. Телевизор в гостиной продолжал фоново бубнить — какой-то старый фильм про любовь, знакомый до мурашек.

Даша потянулась, зевнула и прошла босиком по прохладному линолеуму к столу. На столе уже лежали два куска хлеба, рядом стояла тарелка с маслом и маминым клубничным вареньем.

— О, почти завтрак королевы, — пробормотала она, усаживаясь на табурет.

Из холодильника достала молоко, налила в стакан. Съёмки утра продолжались — в роли главной героини была она, слегка заспанная, но уже светящаяся изнутри. Лето творило чудеса.

— Даша, доброе утро, — раздался голос папы из комнаты. Он не отрывался от экрана, но всё же повернул голову, чтобы ей улыбнуться.

— Доброе, — отозвалась она, намазывая варенье на хлеб. — Что смотрите?

— Кино. Про то, как парень из маленького города переехал в большой и стал певцом. Классика.

Даша усмехнулась.

— У нас всё ещё впереди. Мы пока просто из маленького двора, который как отдельная планета.

Папа кивнул, снова уставился в экран, но внутри у Даши отозвалось что-то тёплое. Они часто не говорили много, но в этих коротких диалогах всегда была своя забота.

Она откусила от бутерброда. Варенье было немного кисловатым, но вкус — родной. Такой, как в детстве.

«А вдруг это лето станет самым важным? — подумала она. — Может, я потом буду вспоминать именно это утро, этот хлеб, это варенье, этот фильм на фоне…»

Она допила молоко, сполоснула за собой посуду, бросила:

— Я, если что, у себя в комнате!

— Ага, слышал, — отозвался папа.

На ходу она поправила пижаму, улыбнулась чему-то внутреннему и исчезла в коридоре.

Даша вернулась в свою комнату, захлопнув за собой дверь мягко, почти неслышно — привычка, выработанная с детства. Здесь всё было по-прежнему: лёгкий беспорядок на столе, распахнутое окно, в которое лезли теплые потоки утреннего воздуха, и солнечные зайчики, игравшие на стене, будто кто-то рассыпал их нарочно.

Она плюхнулась на кровать, уставившись в потолок. Немного полежала, прислушиваясь к себе.

— Ладно, день не ждёт, — пробормотала она, перекатившись на бок.

Подошла к шкафу, потянула за знакомую ручку. Дверца со скрипом отворилась — внутри висели футболки, кофты, рубашки, и всё, что только недавно казалось таким… школьным.

— Нет, сегодня не будет ни формальности, ни строгости, — сказала себе, перебирая вешалки. — Сегодня я просто я. Летняя я.

Она выбрала любимые джинсовые шорты с маленькой вышивкой у кармана — её работа, между прочим, — и свободную белую футболку с надписью “Catch the moment”. Быстро переоделась, стряхнув с себя остатки сна вместе с пижамой.

У zepovala приостановилась. Пальцами поправила волосы, взъерошила их чуть-чуть, придавая лёгкую небрежность.

— Пойдёт, — кивнула сама себе. — Не фотосессия, но в кино бы такую взяли.

Остановилась на секунду. На губах появилась едва заметная улыбка.

— Интересно, что сегодня будет? Вдруг мы снова встретимся с ребятами? Или… Тимур напишет?

Она села на край кровати, достала телефон, мельком глянула на экран. Пусто. Но почему-то сердце ускорило ритм, словно предчувствие уже бродило где-то рядом.

Солнечный луч коснулся её плеча, будто напоминая: вперёд, лето зовёт.

Даша стояла в коридоре, переобулась в свои белые кеды — немного потрёпанные, но любимые. Завязывая шнурки, поймала себя на мысли, что каждый раз перед выходом будто вздыхает не только телом, но и душой. Как будто с порога начинается маленькое приключение.

В коридоре всё было по-обычному — тапки младшего брата в уголке, рюкзак папы, повешенный на вешалку, и их семейная доска с магнитами и записками. Сегодня на ней мама оставила короткое: «Не забудь про воду! На улице жара».

— Спасибо, мам, — усмехнулась Даша, глядя на аккуратный почерк. — Как будто я могу забыть. Там будто Африка переселилась к нам во двор.

Она кинула в рюкзачок бутылку воды, на всякий случай взяла наушники и выбежала к двери. На секунду задержалась. Прислушалась. В квартире всё было спокойно: телевизор продолжал работать, брат тихо напевал себе под нос, а из кухни доносился запах… да, точно, папа решил пожарить картошку на потом.

— Живём, — выдохнула она с улыбкой и нажала на ручку.

Дверь закрылась за её спиной с привычным щелчком.

Подъезд встретил прохладой и запахом старой штукатурки. Шаги глухо отдавались по ступенькам, когда она сбегала вниз. На первом этаже встретила соседку — тётю Зою из квартиры напротив.

— Доброе утро, Дашенька! — кивнула она, поправляя платок.

— Доброе! — ответила Даша, вежливо улыбаясь. — Как вы?

— Как лето! То солнце, то духота. Ты гулять?

— Угу. Может, с ребятами встречусь.

— Ну, отдыхай, доченька, отдыхай, — вздохнула тётя Зоя и скрылась за дверью почтового ящика.

Даша сделала пару шагов и оказалась на улице.

Жара ударила сразу, как только она вышла из подъезда. Воздух колыхался, как над горячим асфальтом. Двор гудел жизнью: играли дети, кто-то слушал музыку из телефона, в песочнице спорили мальчишки. Всё было как всегда, но в этот момент ей казалось, будто всё это — фон для чего-то большего.

Она вдохнула полной грудью. Лето.

— А ведь всего второй день каникул, — пробормотала она. — И уже, кажется, что я изменилась. Как будто внутри всё перешло в другой режим.

Телефон в кармане завибрировал. Сообщение. Тимур.

Даша открыла его, и её сердце чуть-чуть подпрыгнуло.

«Ты где? Мы с ребятами у качелей. Подходи!»

Она улыбнулась. Конечно, он знал, что она выйдет. Они всегда чувствовали друг друга.

— Ну что ж, приключения, считайте, начались, — прошептала она и быстрым шагом направилась в сторону своего двора.

Во дворе, как всегда, царила своя особая жизнь. Ветер лениво перебирал листву на деревьях, а в тени качелей собралась та самая компания — три парня и две девушки, всё те же знакомые лица, родные до боли, до каждой привычки, до интонации.

— О! Наша блондиночка выходит в свет! — прокричал Тимур, поднявшись с качелей и театрально поклонившись.

— Перестань, — фыркнула Лера, толкнув его в плечо. — Как будто не виделись сто лет.

— Ну, вообще-то, с вечера, — вставил Тимур, вставая и поднимая руку в приветствии. Его взгляд задержался на Даше чуть дольше, чем у остальных.

— Привет, народ, — сказала она, подходя ближе. — Что делаем?

— Ждём тебя, как обычно, — усмехнулся Макс. — Ты — наша командирша, без тебя ни одна прогулка не считается официальной.

Даша засмеялась, откинула волосы назад и села рядом на лавочку. Сердце стучало как-то громче. Может, из-за жары, а может — из-за взгляда Тимура, который всё ещё не отводил глаз.

— Ну и… какие планы у вашей банды? — спросила она, пытаясь скрыть смущение лёгкой насмешкой в голосе.

— Мы думали сходить к речке, — предложила Лера. — Или может, во двор на Пушкина? Там граффити новое нарисовали, говорят — бомба.

— А я вообще за мороженым, — вставил Максим. — Иначе я тут растаю, как эскимо на асфальте.

— А может, просто поболтаем тут? — предложил Тимур, не глядя на остальных. — Ну, хотя бы немного. Не хочется куда-то нестись… тут хорошо. Всё как-то по-настоящему.

На секунду повисла тишина. Все будто синхронно вдохнули воздух, напитанный летом, вечерним солнцем и чем-то таким… что никогда не скажешь вслух, но все чувствуют.

— По-настоящему, — повторила Даша и улыбнулась. — Мне нравится это слово.

— А потом вернемся, — сказала Лера, устраиваясь поудобнее. — К закату. А потом звёзды.

— А звёзды — это наше, — подмигнул Макс.

Ребята рассмеялись, переглянулись. Им было хорошо вместе. Ничего не надо было придумывать — просто быть рядом было достаточно.

Даша посмотрела на друзей, на знакомый двор, на качели, на старые лавочки и подумала:

«Как странно — мы вроде те же, но уже не совсем дети. Что-то меняется. Где-то глубоко внутри, где-то между словами и взглядами. И это — волнующе».

Она прижала к груди колени, улыбнулась, посмотрела на небо.

— Лето начинается, — шепнула она.

И никто не спросил, что она сказала. Потому что каждый услышал это внутри себя.

— Всё, решено! — воскликнул Илья, вскакивая с лавочки. — На Пушкина так на Пушкина. Покажем этому граффити, кто тут ценители уличного искусства!

— Только сначала — мороженое, — напомнил Макс, уже направляясь к киоску у угла. — Моё сердце просит пломбир!

— А моё — шоколадное в стаканчике, — добавила Лера, бросаясь за ним.

— Даша, а ты какое будешь? — спросил Тимур, чуть задержавшись рядом.

Девушка пожала плечами, улыбнувшись:

— Классика — крем-брюле. Как в детстве. Всё равно вкус лета у меня — это именно он.

— Запомню, — тихо сказал Тимур.

Она почувствовала, как к щекам прилила тёплая кровь.

Киоск был маленький, знакомый до каждой царапины на панели. Продавщица с усталым, но добродушным лицом, уже знала их в лицо.

— О, снова вы, ребятки, — усмехнулась она. — Как каникулы начались?

— Сладко, — подмигнул Илья, принимая вафельный рожок. — И надеемся, так будет всё лето.

Получив своё лакомство, компания направилась в сторону улицы Пушкина. Лето плотно окутывало город — горячий асфальт отдавал тепло, клёны вдоль дороги шелестели в ритме шагов. Воздух пах свежестью травы, конфетной сладостью мороженого и лёгкой надеждой на будущее.

— Слушай, а если граффити не понравится? — вдруг спросила Лера.

— Тогда Макс должен будет весь вечер говорить рифмами, — фыркнул Тимур.

— А если понравится? — уточнила Даша.

— Тогда мы скинемся на второй пломбир, — ответил Макс им, и вся компания дружно рассмеялась.

Тимур молчал, шёл рядом с Дашей. Он периодически поглядывал на неё, словно пытался сказать что-то, но слова застревали где-то внутри.

«Как всё просто. И как всё сложно одновременно. Она рядом. Мы просто идём по улице. И я боюсь разрушить это лёгкое, невесомое "что-то", что между нами витает», — думал он.

— Ты чего такой задумчивый? — обратилась к нему Даша, слегка подталкивая плечом.

Он чуть улыбнулся:

— Просто думаю… как здорово, что у нас есть такие моменты. Простые, но… такие настоящие.

— Ага, — кивнула она. — Я это тоже чувствую.

Они свернули на улицу Пушкина. У старой трансформаторной будки уже собралась кучка местных — подростки снимали на телефоны яркое, свежее граффити: девушка с распущенными волосами, держащая в руках бумажный самолётик, на фоне ночного неба.

— Вау, — выдохнула Лера. — Это… красиво.

— Это прямо как ты, Даш, — неожиданно сказал Илья. — Только у тебя вместо самолётика — книга, наверное.

— Или сердце, — тихо добавил Тимур.

Она покраснела, отвела взгляд.

Макс громко захлопал:

— Ну, всё, официально — второму пломбиру быть! Это заслуживает аплодисментов!

Под мороженое, шутки, фотографии и восторженные обсуждения ребята провели ещё полчаса у стены. А потом — медленно пошли обратно, по вечернему городу, где каждая улица была наполнена мечтами, надеждами и свободой, которую приносит только лето после девятого класса.

Съев мороженое до последних тающих капель, ребята неспешно побрели в сторону речки. Солнце клонилось к горизонту, окрашивая небо в теплые персиковые и розовые тона, а тени на асфальте становились длиннее, словно мир начинал дышать медленнее.

— Пошли к воде? — предложил Илья, встряхнув головой, будто стряхивая остатки жары.

— Отличная идея, — отозвалась Лера. — У воды как-то легче дышится. И, может, комары нас пока ещё не съедят.

— Это ты зря сказала, — засмеялся Макс. — Сейчас они как раз тебя и услышали. Вон, уже вылетают на охоту!

Даша хихикнула, а Тимур шёл рядом, глядя вперёд, но явно прислушиваясь к каждому её шагу. Она почувствовала это странное, тихое тепло — как будто между ними натянулась тоненькая невидимая нить, и каждый шаг только делал её крепче.

«Интересно, как всё меняется, — подумала она. — Ещё вчера мы были просто друзьями. А сегодня… мне хочется идти рядом именно с ним. Только с ним».

— Знаешь, — вдруг сказал Тимур, немного наклонившись к ней, — я раньше не любил речку. Казалась скучной. А теперь хочется, чтобы мы туда ходили вместе каждое лето.

Даша покраснела, но не отвела взгляда:

— Может, она просто ждала правильной компании.

Они дошли до берега — трава здесь была мягкой, утоптанной, с лёгким ароматом влажной земли и тёплой воды. Река тихо журчала, отражая закат, а в прибрежных кустах потрескивали насекомые. Дети бегали неподалёку, пуская камешки в воду, чей-то пёс выскочил на берег и с разбега плюхнулся в реку, вызывая радостные крики.

Ребята расселись на поваленном бревне. Макс с Лерой спорили, кто сможет метнуть камень дальше. Илья развалился на траве, подложив под голову рюкзак, и смотрел в небо.

— Если бы можно было заморозить этот момент, — сказал он, — я бы оставил его таким. Чтобы через годы открыть, как банку варенья, и вдохнуть — вот это всё.

Даша улыбнулась, наблюдая за рябью на воде.

— Запомни, — тихо сказала она. — Тогда не придётся замораживать.

Тимур перевёл взгляд с реки на неё.

— Я запомню. Ты — лучшее, что случилось с этим летом.

В груди у неё защемило. Она хотела ответить — что-то важное, весомое, но слова застряли где-то глубоко. Вместо этого она просто дотронулась до его руки.

И в этот момент небо стало чуть темнее, а воздух — тише, будто сама река слушала их.

На реке было удивительно тепло. Вечернее солнце мягкими золотыми лучами скользило по воде, превращая её в живое зеркало, где плыли отблески облаков. Лёгкий ветерок шевелил траву на берегу и игрался в волосах ребят, принося с собой аромат нагретой земли и свежести воды.

Даша вдохнула глубоко, чувствуя, как всё внутри замирает от какой-то странной, сладкой тишины.

— Обожаю этот запах, — мечтательно сказала Лера, присев рядом на траву. — Здесь даже дышится по-другому, не как в городе.

— Потому что здесь нет всей этой суеты, — откликнулся Тимур, вытягиваясь на спине и закрывая глаза. — Только река, ветер и... мороженое в животе.

Все рассмеялись. Максим подошёл ближе к воде, забрал в ладони прохладную струю и прыснул в сторону Леры. Она взвизгнула и, смеясь, отмахнулась.

Тимур в это время молчал, стоя рядом с Дашей. Он смотрел на гладь реки и казался задумчивым.

— Тепло... как будто река нас обнимает, — тихо сказал он, и Даша вдруг почувствовала, как её сердце сжалось от нежности.

«Так просто... И так счастливо», — подумала она, наблюдая, как лучи солнца ложатся на воду широкими золотыми дорожками.

— Давайте сюда каждый день ходить! — внезапно предложил Макс, оглядывая всех с заговорщическим видом. — Клятва на верность речке!

— И мороженому! — подхватила Лера, смеясь.

Даша улыбнулась. Внутри у неё родилось тихое, но тёплое чувство: словно весь мир вдруг остановился, чтобы дать им это лето — их особенное лето.

— Согласна, — сказала она, чувствуя, как её пальцы чуть дрогнули рядом с Тимуром.

Тот в ответ едва заметно кивнул и сжал её руку — так естественно, так осторожно, будто боялся спугнуть эту хрупкую магию момента.

Всё вокруг казалось живым: шепот воды, шелест травы, смех друзей. И Даша знала: этот вечер она запомнит навсегда.

Максим первым не выдержал.

— Всё, я больше не могу просто смотреть на эту воду! — воскликнул он, скинул футболку и, смеясь, побежал к реке.

— Макс, подожди! — крикнула Лера, но было поздно — он уже с разбега плюхнулся в воду, подняв целый фонтан брызг.

Тимур рассмеялся:

— Ну вот, начал. Теперь всем придётся.

Даша колебалась. Она подошла ближе к воде, всматриваясь в её прохладную гладь. Солнце ещё припекало, а тёплый воздух подталкивал сделать шаг вперёд.

«А почему бы и нет?» — подумала она, чувствуя, как внутри разгорается волнение — и немного страха.

Лера, смеясь, уже скидывала босоножки.

— Кто последний — тот слон! — выкрикнула она и, не раздумывая, побежала за Максом.

Даша нерешительно оглянулась на Тимура. Он поймал её взгляд и улыбнулся той своей спокойной, поддерживающей улыбкой.

— Я с тобой, если что, — сказал он просто.

Эти слова придали ей смелости. Она скинула сандалии, подоткнула платье и, посмеявшись, зашла в воду.

— Ого! — вскрикнула она от неожиданной прохлады, но уже через секунду засмеялась. — Освежает!

Макс подплыл ближе, подбрызгивая воду руками:

— Эй, давай, Даша! Прыгай с головой! Здесь классно!

Тимур, не торопясь, вошёл следом.

— Осторожно только, здесь чуть дальше дно уходит, — предупредил он.

Даша сделала шаг, другой... И вдруг поскользнулась на камушке, ойкнула, но Тимур тут же подхватил её за руку.

— Спокойно, я держу, — сказал он тихо.

Даша смущённо улыбнулась.

— Спасибо... Без тебя я бы, наверное, сиганула носом вперёд...

Все смеялись, брызгались, соревновались, кто дальше нырнёт. Макс устроил "водяную битву", Лера визжала от его атак, а Тимур плавал рядом с Дашей, как бы невзначай, но всё время, оставаясь на расстоянии вытянутой руки.

«Как же хорошо... Как будто весь мир растворился, осталась только эта вода, солнце, смех... И он рядом», — думала Даша, чувствуя, как внутри разливается тепло, не имеющее ничего общего с летним зноем.

Над рекой звенел их счастливый смех, а лёгкие брызги искрились в золотом свете закатного солнца.

После весёлых купаний, смеясь и капая водой, ребята выбрались на берег. Тёплый песок приятно обжигал босые ноги, и каждый начал раскладывать свои вещи, превращая берег реки в разноцветное одеяло из футболок, полотенец и курток.

— Я больше никуда не двинусь, — выдохнула Лера, растягиваясь на спине и закрывая глаза. — Меня теперь только на носилках отсюда унесут.

— Не раньше конца лета, — подхватил шутку Макс, бросив мокрую майку рядом и плюхнувшись рядом с ней. — Солнце, река и никаких уроков — вот это жизнь!

Даша аккуратно расстелила своё полотенце, села и огляделась вокруг. Над головой тянулось огромное голубое небо, редкие облака лениво плыли по нему, а солнце приятно согревало промокшее тело.

«Как будто весь мир вдруг остановился на этом теплом моменте», — подумала она, улыбаясь.

Тимур сел рядом, отряхивая капли воды с волос. Он посмотрел на неё, прищурившись от солнца:

— Тебе не холодно?

Даша покачала головой:

— Нет. Скорее наоборот — так хорошо... спокойно.

Тимур кивнул и лёг на спину, закинув руки за голову.

— Знаешь... я бы хотел, чтобы такие дни никогда не заканчивались, — произнёс он задумчиво.

Лера, услышав это, громко вздохнула:

— Да-да! Чтобы навсегда забыть про экзамены, поступления, эти взрослые заботы...

Макс приподнялся на локте:

— Ага. Только вот мамы так не думают. Устроили бы нам “вечное лето” в обмен на вечную работу по дому!

Все рассмеялись.

Даша, подложив руки под голову, смотрела на солнце, щурясь.

«А вдруг это и есть самое настоящее счастье? Вот так — просто лежать рядом с друзьями, чувствовать тепло песка, слышать их голоса и знать, что впереди ещё целое лето...» — думала она.

Время текло медленно и сладко. Тёплый ветерок шевелил волосы, песчинки приятно щекотали кожу, а над водой, в отражении, рябили золотые лучи.

— Давайте загадаем желание, — вдруг предложила Лера, не открывая глаз. — На весь этот год. Только вслух не говорить!

— Давай, — согласилась Даша, улыбаясь.

Все молча закрыли глаза. Момент стал каким-то особенно тихим, почти торжественным. Каждый про себя загадал что-то сокровенное — о будущем, о любви, о счастье.

— К экзаменам-то готовитесь? — вдруг спросила Лера, приподнявшись на локте и глянув на ребят, словно напоминая о том, что где-то там, за этой солнечной рекой, всё же есть другая реальность.

Макс недовольно сморщился, вытянулся на песке и подложил под голову футболку:

— Так они через неделю...

— Ну и что? — не унималась Лера. — Неделя — это не вечность. Всё равно надо хоть что-то повторить.

Тимур повернулся на бок, лениво ковыряя пальцем в песке:

— Успеем. Не переживай. Зачем думать об экзаменах, когда солнце печёт, как в Египте, а вода зовёт? — он кивнул в сторону реки, где на поверхности играли солнечные блики.

Даша молча наблюдала за перепалкой друзей, потом усмехнулась.

«Как будто можно остановить время... Как будто этот июньский день — броня от всего взрослого, важного, от всех «надо» и «должен».

— Пошли лучше ещё купаться! — вдруг воскликнул Макс, резко вскочив и отряхивая с себя песок. — Пока солнце не село и никто нас не дёргает.

Тимур тут же подхватил его идею:

— Поддерживаю. Только на этот раз — кто первый добежит до воды, тот лидер стаи!

— Эй, нечестно! — Лера тоже вскочила, поправляя волосы. — Я ещё не готова!

Но парни уже рванули вперёд, оставляя за собой цепочку следов на мокром песке.

— Пошли! — засмеялась Даша, глядя на Леру, — всё равно мы быстрее, чем они думают.

И девчонки, смеясь и визжа от веселья, побежали следом, догоняя друзей, вдыхая воздух свободы, который бывает только в такие вечера — когда тебе шестнадцать, экзамены где-то на задворках сознания, а впереди лето и река.

Вода обволакивала их тёплой прохладой — редкое сочетание, которое бывает только в июне, когда река уже прогрелась, но ещё хранит в себе свежесть весны.

— Ай, брызгаешься! — воскликнула Лера, вытирая лицо, когда Тимур с довольной ухмылкой поднял волну прямо в её сторону.

— Ты первая начала, — невинно пожал он плечами, но в глазах плескалась искра хулиганства.

— Ага, держи себя в руках, «вожак стаи», — усмехнулся Макс, подплывая ближе. — Сейчас Лера тебе устроит водную кару.

— Уже устраиваю! — с боевым кличем Лера резко плюхнулась в воду, подняв облако брызг, и все трое зашлись смехом.

Даша стояла чуть поодаль, в воде по пояс, наблюдая за ними с мягкой улыбкой.

«Какие же они… настоящие. Смешные. Свои. Если бы можно было остановить этот момент и положить его в баночку, как варенье. Чтобы зимой открыть — и снова почувствовать лето».

— Даша, ты чего там? — крикнул Тимур. — Как будто в кино смотришь.

— А может, и смотрю, — подыграла она, — только вот не решила ещё, драма это или комедия.

— Очевидно, мелодрама! — рассмеялась Лера. — Со счастливым концом, надеюсь.

— А может, триллер, — подмигнул Макс. — Если сейчас заплывём за поворот, и вдруг появится русалка…

— Лучше не пугай, — сказала Даша, всё-таки подплывая ближе. — Здесь и без русалок красиво.

Они плавали ещё долго, пока солнце не начало мягко опускаться к горизонту, окрашивая воду в медные и янтарные оттенки. Смех их перекликался с криками чаек, вода нежно плескалась у берегов, и этот день — пусть самый обыкновенный — вдруг стал волшебным.

Они не заметили, как солнце, будто тихий гость, начало прощаться с рекой. Его лучи становились мягче, длиннее, переливаясь на водной глади розовыми и оранжевыми всполохами. Небо над ними налилось золотом, а потом стало медленно затягиваться лавандовым пологом вечерней прохлады.

— Слушайте… — первым заметил перемену Тимур, — кажется, мы купаемся уже целую вечность.

— Да ты что, Ньютон, — хмыкнул Макс, откидываясь на воду и глядя вверх. — Закат, как в кино. Смотрите, небо будто кто-то рисует акварелью.

Даша замерла по пояс в воде и подняла голову.

«Так красиво. Спокойно. Как будто всё на своём месте. Как будто время действительно умеет замедляться, если рядом те, кого ты любишь».

— Знаете, — сказала она тихо, почти шёпотом, — я хочу запомнить этот вечер. Как он пахнет рекой и теплом. Как не хочется никуда идти…

Лера подошла ближе, её лицо слегка светилось в закатных отблесках:

— А давайте действительно договоримся: сколько бы лет ни прошло — будем вспоминать именно это. Как будто точка отсчёта.

— Момент, когда всё только начинается, — добавил Тимур.

Макс усмехнулся и брызнул на них водой:

— Ой, философы! Сейчас заплачете от собственной глубины. Давайте лучше фото сделаем!

Он выбрался на берег, достал из рюкзака телефон, ещё немного влажными пальцами включил камеру. Все собрались рядом, хохоча и толкая друг друга плечами. Капли с волос падали на плечи, лица сияли, а в глазах отражался тот самый закат — их общий.

— На счёт три! Раз, два… — щёлк! — Теперь у нас есть доказательство, что мы были счастливы, — сказал Макс.

— Были? — переспросила Даша. — Мы есть.

Над рекой повисла тишина — не пустая, а насыщенная. Тишина, в которой сердце стучит чуть громче, чем обычно.

Небо постепенно тускнело, словно кто-то медленно поворачивал ручку света, уменьшая яркость дня. Воздух стал тише, прохладнее, как будто сама природа сделала глубокий вдох перед ночным сном. Последние отблески заката расплескались на воде, превращая реку в жидкое золото, а потом — в серебро.

— Уже темнеет… — заметила Лера, кутаясь в рубашку, которую накинула поверх купальника. На её коже дрожали капельки воды, и она провела ладонью по плечу, смахнув их. — А ведь только что было солнце.

— Да, день пролетел как миг, — кивнул Макс, глядя на небо. — Заметили, как быстро стало тихо? Даже птицы замолчали.

— Это как будто пауза. Перед новой главой, — сказала Даша, не отрывая взгляда от багровеющего горизонта.

Она сидела на тёплом песке, подтянув колени к груди. Её волосы подсохли, спутались немного, но она не замечала. Внутри у неё было странное, но приятное чувство — лёгкая грусть вперемешку с нежностью.

«Почему в такие моменты хочется говорить о важном? Или просто молчать — но так, чтобы кто-то рядом понимал, о чём ты молчишь?»

— Странно, — подал голос Тимур, — вроде ещё не ночь, а уже немного жалко, что день заканчивается.

— Потому что он был хороший, — ответила Лера.

Они переглянулись. Каждый видел в глазах другого отблеск уходящего солнца — и что-то ещё. Что-то важное, что пока не называлось словами, но уже рождалось между ними.

— Пора бы собираться, — сказал Макс неохотно, поднимаясь. — Пока совсем темно не стало.

— А давайте завтра сюда опять? — быстро сказала Даша. — Тот же состав, та же река, только, может, возьмём с собой плед и музыку?

— И термос с какао, — добавила Лера мечтательно.

— Договорились, — усмехнулся Тимур. — У нас лето. Всё возможно.

Они начали собираться, и тени удлинялись вокруг них. А над рекой уже зажигались первые звёзды, будто подтверждая: да, завтра будет новый день. Но этот — уже навсегда останется в памяти.

День закончился. За рекой темнело, и лес на том берегу уже скрылся в густых сумерках. Последние розовые полосы исчезали с неба, оставляя после себя мягкую синеву. Комары начинали кружить вокруг, ветер стих, и в воздухе повисло ощущение лёгкой грусти — как будто само лето на мгновение притихло.

— Ладно, пора домой, — сказал Макс, неохотно натягивая футболку. — Мама, наверное, уже волнуется.

— И у меня батарея села, даже не предупредила, — Даша вздохнула и провела рукой по волосам. — Хотя… как-то не хочется уходить. Здесь было по-настоящему.

Они медленно поднялись с песка, отряхивая ноги. Вещи, собранные в сумки, казались тяжелее, чем утром — будто тянули назад, не желая отпускать. Шаги по тропинке звучали особенно громко в вечерней тишине.

— Завтра ведь снова встретимся? — тихо спросила Лера, глядя на ребят.
— Конечно, — улыбнулся Тимур. — Это только начало.

«Только начало… А вдруг это и правда будет лето, которое изменит всё?» — подумала Даша, посмотрев на друзей.

Они шли по знакомым дворам, мимо подъездов с тёплым светом, где-то лаяли собаки, где-то хлопали окна. Уличные фонари лениво зажигались, по одному, освещая путь.
— Как будто время замедлилось, — сказал Макс, всматриваясь в небо. — Видите? Там, справа, Венера уже горит.
— А вон Большая Медведица, — добавила Лера. — Надо же, звёзды те же, а ночь — уже другая.
— Как и мы, — прошептала Даша.

У каждого подъезда ребята прощались. Обнимались. Кто-то сказал «до завтра», кто-то только кивнул, не желая разрушать тишину словами. Внутри у всех было странное чувство: будто произошло что-то важное, но пока ещё непонятное.

Даша осталась последней. Она посмотрела, как Макс исчезает в арке, как Лера машет издалека, как Тимур оглядывается и поднимает руку в прощальном жесте. Её сердце тихо стучало.
— Лето, — прошептала она. — Не подведи.

И она шагнула к своему подъезду, неся в себе тепло прожитого дня, надежду — и предчувствие чего-то нового.

Прошла неделя — почти незаметно, как будто кто-то листал страницы календаря быстрее обычного. Каждый день ребята проводили вместе: гуляли, смеялись, обсуждали будущее, иногда даже открывали учебники, притворяясь, что готовятся.

Но вот наступил вечер перед экзаменами.

В воздухе витало напряжение. Лето никуда не делось — небо всё так же было высокое, тёплое, с розовыми полосами на закате, но теперь оно будто давило сверху — напоминая, что завтра всё изменится. Завтра начнётся что-то важное, почти взрослое.

Даша сидела у окна в своей комнате, поджав под себя ноги. Перед ней лежали тетради, открытые на нужных страницах, но взгляд скользил мимо букв.
— Смешно, — подумала она, — столько разговоров о том, как мы волнуемся, а в итоге всё равно сидим и смотрим на небо.

С улицы доносился голос Леры:

— Даш! Выходи на минутку! Только на чуть-чуть!

Даша усмехнулась. Вот уж «на чуть-чуть» — значит, как минимум полчаса под фонарём, обсуждая, кто что повторил и кто чего боится.

Она спустилась вниз. У подъезда уже стояли Макс, Тимур и Лера. У всех в руках по бутылке газировки, у кого-то семечки, кто-то держал папку с распечатками.

— Ну что, кто уверен в себе? — спросил Максим, делая глоток.

— Я на сорок процентов, — фыркнула Лера. — Остальные шестьдесят — это паника.

— Я вообще с утра пытался повторить математику, — сказал Тимур. — В какой-то момент понял, что читаю, а в голове только "ля-ля-ля, лето, мороженое и всё равно конец света".

Ребята рассмеялись. Смех был немного натянутым — как будто каждый пытался спрятать свою тревогу за привычными шутками.

— Даша, а ты как? — спросила Лера.

— Не знаю… Я будто на качелях. То кажется, что всё получится. То — что я ничего не знаю. А потом снова вроде спокойно… и опять страх. — Она пожала плечами. — Это нормально?

— Наверное, да, — сказал Максим серьёзно. — Просто первый шаг всегда страшный. Но потом мы войдём в зал, сядем, и всё начнёт раскручиваться как обычно.

— Только бы не забыть, как дискриминант считать, — вздохнула Лера.

Они ещё немного постояли, переговариваясь, смотря на небо. На этот раз ни один из них не спешил шутить. Это было особенное мгновение — вечер перед тем, как что-то завершится. Или начнётся.

— Ладно, ребята. Спокойной ночи. Завтра — выдыхаем и делаем, что можем, — сказал Тимур и хлопнул Макса по плечу.

— До завтра, — откликнулись остальные.

Когда Даша возвращалась домой, её сердце билось чуть сильнее, чем обычно. Она знала — завтра будет важный день. Но в её груди жила и уверенность: она не одна. Они все вместе. А это уже многое значит.

Глава 3. Время отдыха

Съев мороженое до последних тающих капель, ребята неспешно побрели в сторону речки. Солнце клонилось к горизонту, окрашивая небо в теплые персиковые и розовые тона, а тени на асфальте становились длиннее, словно мир начинал дышать медленнее.

— Пошли к воде? — предложил Илья, встряхнув головой, будто стряхивая остатки жары.
— Отличная идея, — отозвалась Валерия. — У воды как-то легче дышится. И, может, комары нас пока ещё не съедят.
— Это ты зря сказала, — засмеялся Макс. — Сейчас они как раз тебя и услышали. Вон, уже вылетают на охоту!

Даша хихикнула, а Тимур шёл рядом, глядя вперёд, но явно прислушиваясь к каждому её шагу. Она почувствовала это странное, тихое тепло — как будто между ними натянулась тоненькая невидимая нить, и каждый шаг только делал её крепче.

«Интересно, как всё меняется, — подумала она. — Ещё вчера мы были просто друзьями. А сегодня… мне хочется идти рядом именно с ним. Только с ним».

— Знаешь, — вдруг сказал Тимур, немного наклонившись к ней, — я раньше не любил речку. Казалась скучной. А теперь хочется, чтобы мы туда ходили вместе каждое лето.

Даша покраснела, но не отвела взгляда:
— Может, она просто ждала правильной компании.

Они дошли до берега — трава здесь была мягкой, утоптанной, с лёгким ароматом влажной земли и тёплой воды. Река тихо журчала, отражая закат, а в прибрежных кустах потрескивали насекомые. Дети бегали неподалёку, пуская камешки в воду, чей-то пёс выскочил на берег и с разбега плюхнулся в реку, вызывая радостные крики.

Ребята расселись на поваленном бревне. Макс с Лерой спорили, кто сможет метнуть камень дальше. Илья развалился на траве, подложив под голову рюкзак, и смотрел в небо.

— Если бы можно было заморозить этот момент, — сказал он, — я бы оставил его таким. Чтобы через годы открыть, как банку варенья, и вдохнуть — вот это всё.

Даша улыбнулась, наблюдая за рябью на воде.
— Запомни, — тихо сказала она. — Тогда не придётся замораживать.

Тимур перевёл взгляд с реки на неё.
— Я запомню. Ты — лучшее, что случилось с этим летом.

В груди у неё защемило. Она хотела ответить — что-то важное, весомое, но слова застряли где-то глубоко. Вместо этого она просто дотронулась до его руки. И в этот момент небо стало чуть темнее, а воздух — тише, будто сама река слушала их.

На реке было удивительно тепло. Вечернее солнце мягкими золотыми лучами скользило по воде, превращая её в живое зеркало, где плыли отблески облаков. Лёгкий ветерок шевелил траву на берегу и игрался в волосах ребят, принося с собой аромат нагретой земли и свежести воды.

Даша вдохнула глубоко, чувствуя, как всё внутри замирает от какой-то странной, сладкой тишины.

— Обожаю этот запах, — мечтательно сказала Лера, присев рядом на траву. — Здесь даже дышится по-другому, не как в городе.

— Потому что здесь нет всей этой суеты, — откликнулся Тимур, вытягиваясь на спине и закрывая глаза. — Только река, ветер и... мороженое в животе.

Все рассмеялись. Максим подошёл ближе к воде, забрал в ладони прохладную струю и прыснул в сторону Леры. Она взвизгнула и, смеясь, отмахнулась.

Тимур в это время молчал, стоя рядом с Дашей. Он смотрел на гладь реки и казался задумчивым.

— Тепло... как будто река нас обнимает, — тихо сказал он.

Даша вдруг почувствовала, как её сердце сжалось от нежности. «Так просто... И так счастливо», — подумала она, наблюдая, как лучи солнца ложатся на воду широкими золотыми дорожками.

— Давайте сюда каждый день ходить! — внезапно предложил Макс, оглядывая всех с заговорщическим видом. — Клятва на верность речке!

— И мороженому! — подхватила Валерия, смеясь.

Даша улыбнулась. Внутри у неё родилось тихое, но тёплое чувство: словно весь мир вдруг остановился, чтобы дать им это лето — их особенное лето.

— Согласна, — сказала она, чувствуя, как её пальцы чуть дрогнули рядом с Тимуром.

Тот в ответ едва заметно кивнул и сжал её руку — так естественно, так осторожно, будто боялся спугнуть эту хрупкую магию момента. Всё вокруг казалось живым: шепот воды, шелест травы, смех друзей. И Даша знала: этот вечер она запомнит навсегда.

Максим первым не выдержал.

— Всё, я больше не могу просто смотреть на эту воду! — воскликнул он, скинул футболку и, смеясь, побежал к реке.

— Макс, подожди! — крикнула Лера, но было поздно — он уже с разбега плюхнулся в воду, подняв целый фонтан брызг.

Тимур рассмеялся:

— Ну вот, начал. Теперь всем придётся.

Даша колебалась. Она подошла ближе к воде, всматриваясь в её прохладную гладь. Солнце ещё припекало, а тёплый воздух подталкивал сделать шаг вперёд.

«А почему бы и нет?» — подумала она, чувствуя, как внутри разгорается волнение — и немного страха.

Валерия, смеясь, уже скидывала босоножки.
— Кто последний — тот слон! — выкрикнула она и, не раздумывая, побежала за Максом.

Даша нерешительно оглянулась на Тимура. Он поймал её взгляд и улыбнулся той своей спокойной, поддерживающей улыбкой.
— Я с тобой, если что, — сказал он просто.

Эти слова придали ей смелости. Она скинула сандалии, подоткнула платье и, посмеявшись, зашла в воду.
— Ого! — вскрикнула она от неожиданной прохлады, но уже через секунду засмеялась. — Освежает!

Макс подплыл ближе, подбрызгивая воду руками:
— Эй, давай, Даша! Прыгай с головой! Здесь классно!

Тимур, не торопясь, вошёл следом.
— Осторожно только, здесь чуть дальше дно уходит, — предупредил он.

Даша сделала шаг, другой... И вдруг поскользнулась на камушке, ойкнула, но Тимур тут же подхватил её за руку.
— Спокойно, я держу, — сказал он тихо.

Даша смущённо улыбнулась.
— Спасибо... Без тебя я бы, наверное, сиганула носом вперёд...

Все смеялись, брызгались, соревновались, кто дальше нырнёт. Макс устроил "водяную битву", Лера визжала от его атак, а Тимур плавал рядом с Дашей, как бы невзначай, но всё время оставаясь на расстоянии вытянутой руки.

«Как же хорошо... Как будто весь мир растворился, осталась только эта вода, солнце, смех... И он рядом», — думала Даша, чувствуя, как внутри разливается тепло, не имеющее ничего общего с летним зноем.

Над рекой звенел их счастливый смех, а лёгкие брызги искрились в золотом свете закатного солнца.

После весёлых купаний, смеясь и капая водой, ребята выбрались на берег. Тёплый песок приятно обжигал босые ноги, и каждый начал раскладывать свои вещи, превращая берег реки в разноцветное одеяло из футболок, полотенец и курток.

— Я больше никуда не двинусь, — выдохнула Лера, растягиваясь на спине и закрывая глаза. — Меня теперь только на носилках отсюда унесут.
— Не раньше конца лета, — подхватил шутку Макс, бросив мокрую майку рядом и плюхнувшись рядом с ней. — Солнце, река и никаких уроков — вот это жизнь!

Даша аккуратно расстелила своё полотенце, села и огляделась вокруг. Над головой тянулось огромное голубое небо, редкие облака лениво плыли по нему, а солнце приятно согревало промокшее тело.

«Как будто весь мир вдруг остановился на этом теплом моменте», — подумала она, улыбаясь.

Тимур сел рядом, отряхивая капли воды с волос. Он посмотрел на неё, прищурившись от солнца:

— Тебе не холодно?

Даша покачала головой:

— Нет. Скорее наоборот — так хорошо... спокойно.

Тимур кивнул и лёг на спину, закинув руки за голову.

— Знаешь... я бы хотел, чтобы такие дни никогда не заканчивались, — произнёс он задумчиво.

Лера, услышав это, громко вздохнула:

— Да-да! Чтобы навсегда забыть про экзамены, поступления, эти взрослые заботы...

Макс приподнялся на локте:

— Ага. Только вот мамы так не думают. Устроили бы нам “вечное лето” в обмен на вечную работу по дому!

Все рассмеялись.

Даша, подложив руки под голову, смотрела на солнце, щурясь.

«А вдруг это и есть самое настоящее счастье? Вот так — просто лежать рядом с друзьями, чувствовать тепло песка, слышать их голоса и знать, что впереди ещё целое лето...»

Время текло медленно и сладко. Тёплый ветерок шевелил волосы, песчинки приятно щекотали кожу, а над водой, в отражении, рябили золотые лучи.

— Давайте загадаем желание, — вдруг предложила Лера, не открывая глаз. — На весь этот год. Только вслух не говорить!

— Давай, — согласилась Даша, улыбаясь.

Все молча закрыли глаза. Момент стал каким-то особенно тихим, почти торжественным. Каждый про себя загадал что-то сокровенное — о будущем, о любви, о счастье.

— К экзаменам-то готовитесь? — вдруг спросила Лера, приподнявшись на локте и глянув на ребят, словно напоминая о том, что где-то там, за этой солнечной рекой, всё же есть другая реальность.

Макс недовольно сморщился, вытянулся на песке и подложил под голову футболку:

— Так они через неделю...

— Ну и что? — не унималась Лера. — Неделя — это не вечность. Всё равно надо хоть что-то повторить.

Тимур повернулся на бок, лениво ковыряя пальцем в песке:

— Успеем. Не переживай. Зачем думать об экзаменах, когда солнце печёт, как в Египте, а вода зовёт?

Он кивнул в сторону реки, где на поверхности играли солнечные блики. Даша молча наблюдала за перепалкой друзей, потом усмехнулась.

«Как будто можно остановить время... Как будто этот июньский день — броня от всего взрослого, важного, от всех «надо» и «должен».

— Пошли лучше ещё купаться! — вдруг воскликнул Макс, резко вскочив и отряхивая с себя песок. — Пока солнце не село и никто нас не дёргает.

Тимур тут же подхватил его идею:

— Поддерживаю. Только на этот раз — кто первый добежит до воды, тот лидер стаи!

— Эй, нечестно! — Лера тоже вскочила, поправляя волосы. — Я ещё не готова!

Но парни уже рванули вперёд, оставляя за собой цепочку следов на мокром песке.

— Пошли! — засмеялась Даша, глядя на Леру, — всё равно мы быстрее, чем они думают.

И девчонки, смеясь и визжа от веселья, побежали следом, догоняя друзей, вдыхая воздух свободы, который бывает только в такие вечера — когда тебе шестнадцать, экзамены где-то на задворках сознания, а впереди лето и река.

Вода обволакивала их тёплой прохладой — редкое сочетание, которое бывает только в июне, когда река уже прогрелась, но ещё хранит в себе свежесть весны.

— Ай, брызгаешься! — воскликнула Лера, вытирая лицо, когда Тимур с довольной ухмылкой поднял волну прямо в её сторону.

— Ты первая начала, — невинно пожал он плечами, но в глазах плескалась искра хулиганства.

— Ага, держи себя в руках, «вожак стаи», — усмехнулся Макс, подплывая ближе. — Сейчас Лера тебе устроит водную кару.

— Уже устраиваю! — с боевым кличем Лера резко плюхнулась в воду, подняв облако брызг, и все трое зашлись смехом.

Даша стояла чуть поодаль, в воде по пояс, наблюдая за ними с мягкой улыбкой.

«Какие же они… настоящие. Смешные. Свои. Если бы можно было остановить этот момент и положить его в баночку, как варенье. Чтобы зимой открыть — и снова почувствовать лето».

— Даша, ты чего там? — крикнул Тимур. — Как будто в кино смотришь.

— А может, и смотрю, — подыграла она, — только вот не решила ещё, драма это или комедия.

— Очевидно, мелодрама! — рассмеялась Лера. — Со счастливым концом, надеюсь.

— А может, триллер, — подмигнул Макс. — Если сейчас заплывём за поворот, и вдруг появится русалка…

— Лучше не пугай, — сказала Даша, всё-таки подплывая ближе. — Здесь и без русалок красиво.

Они плавали ещё долго, пока солнце не начало мягко опускаться к горизонту, окрашивая воду в медные и янтарные оттенки. Смех их перекликался с криками чаек, вода нежно плескалась у берегов, и этот день — пусть самый обыкновенный — вдруг стал волшебным.

Они не заметили, как солнце, будто тихий гость, начало прощаться с рекой. Его лучи становились мягче, длиннее, переливаясь на водной глади розовыми и оранжевыми всполохами. Небо над ними налилось золотом, а потом стало медленно затягиваться лавандовым пологом вечерней прохлады.

— Слушайте… — первым заметил перемену Тимур, — кажется, мы купаемся уже целую вечность.

— Да ты что, Ньютон, — хмыкнул Макс, откидываясь на воду и глядя вверх. — Закат, как в кино. Смотрите, небо будто кто-то рисует акварелью.

Даша замерла по пояс в воде и подняла голову.

«Так красиво. Спокойно. Как будто всё на своём месте. Как будто время действительно умеет замедляться, если рядом те, кого ты любишь».

— Знаете, — сказала она тихо, почти шёпотом, — я хочу запомнить этот вечер. Как он пахнет рекой и теплом. Как не хочется никуда идти…

Лера подошла ближе, её лицо слегка светилось в закатных отблесках:

— А давайте действительно договоримся: сколько бы лет ни прошло — будем вспоминать именно это. Как будто точка отсчёта.

— Момент, когда всё только начинается, — добавил Тимур.

Макс усмехнулся и брызнул на них водой:

— Ой, философы! Сейчас заплачете от собственной глубины. Давайте лучше фото сделаем!

Он выбрался на берег, достал из рюкзака телефон, ещё немного влажными пальцами включил камеру. Все собрались рядом, хохоча и толкая друг друга плечами. Капли с волос падали на плечи, лица сияли, а в глазах отражался тот самый закат — их общий.

— На счёт три! Раз, два… — щёлк! — Теперь у нас есть доказательство, что мы были счастливы, — сказал Макс.

— Были? — переспросила Даша. — Мы есть.

Над рекой повисла тишина — не пустая, а насыщенная. Тишина, в которой сердце стучит чуть громче, чем обычно.

Небо постепенно тускнело, словно кто-то медленно поворачивал ручку света, уменьшая яркость дня. Воздух стал тише, прохладнее, как будто сама природа сделала глубокий вдох перед ночным сном. Последние отблески заката расплескались на воде, превращая реку в жидкое золото, а потом — в серебро.

— Уже темнеет… — заметила Лера, кутаясь в рубашку, которую накинула поверх купальника. На её коже дрожали капельки воды, и она провела ладонью по плечу, смахнув их. — А ведь только что было солнце.

— Да, день пролетел как миг, — кивнул Макс, глядя на небо. — Заметили, как быстро стало тихо? Даже птицы замолчали.

— Это как будто пауза. Перед новой главой, — сказала Даша, не отрывая взгляда от багровеющего горизонта.

Она сидела на тёплом песке, подтянув колени к груди. Её волосы подсохли, спутались немного, но она не замечала. Внутри у неё было странное, но приятное чувство — лёгкая грусть вперемешку с нежностью.

«Почему в такие моменты хочется говорить о важном? Или просто молчать — но так, чтобы кто-то рядом понимал, о чём ты молчишь?»

— Странно, — подал голос Тимур, — вроде ещё не ночь, а уже немного жалко, что день заканчивается.

— Потому что он был хороший, — ответила Лера.

Они переглянулись. Каждый видел в глазах другого отблеск уходящего солнца — и что-то ещё. Что-то важное, что пока не называлось словами, но уже рождалось между ними.

— Пора бы собираться, — сказал Макс неохотно, поднимаясь. — Пока совсем темно не стало.

— А давайте завтра сюда опять? — быстро сказала Даша. — Тот же состав, та же река, только, может, возьмём с собой плед и музыку?

— И термос с какао, — добавила Лера мечтательно.

— Договорились, — усмехнулся Тимур. — У нас лето. Всё возможно.

Они начали собираться, и тени удлинялись вокруг них. А над рекой уже зажигались первые звёзды, будто подтверждая: да, завтра будет новый день. Но этот — уже навсегда останется в памяти.

День закончился. За рекой темнело, и лес на том берегу уже скрылся в густых сумерках. Последние розовые полосы исчезали с неба, оставляя после себя мягкую синеву. Комары начинали кружить вокруг, ветер стих, и в воздухе повисло ощущение лёгкой грусти — как будто само лето на мгновение притихло.

— Ладно, пора домой, — сказал Макс, неохотно натягивая футболку. — Мама, наверное, уже волнуется.

— И у меня батарея села, даже не предупредила, — Даша вздохнула и провела рукой по волосам. — Хотя… как-то не хочется уходить. Здесь было по-настоящему.

Они медленно поднялись с песка, отряхивая ноги. Вещи, собранные в сумки, казались тяжелее, чем утром — будто тянули назад, не желая отпускать. Шаги по тропинке звучали особенно громко в вечерней тишине.

— Завтра ведь снова встретимся? — тихо спросила Лера, глядя на ребят.

— Конечно, — улыбнулся Тимур. — Это только начало.

«Только начало… А вдруг это и правда будет лето, которое изменит всё?» — подумала Даша, посмотрев на друзей.

Они шли по знакомым дворам, мимо подъездов с тёплым светом, где-то лаяли собаки, где-то хлопали окна. Уличные фонари лениво зажигались, по одному, освещая путь.

— Как будто время замедлилось, — сказал Макс, всматриваясь в небо. — Видите? Там, справа, Венера уже горит.

— А вон Большая Медведица, — добавила Лера. — Надо же, звёзды те же, а ночь — уже другая.

— Как и мы, — прошептала Даша.

У каждого подъезда ребята прощались. Обнимались. Кто-то сказал «до завтра», кто-то только кивнул, не желая разрушать тишину словами. Внутри у всех было странное чувство: будто произошло что-то важное, но пока ещё непонятное.

Даша осталась последней. Она посмотрела, как Макс исчезает в арке, как Лера машет издалека, как Тимур оглядывается и поднимает руку в прощальном жесте. Её сердце тихо стучало.

— Лето, — прошептала она. — Не подведи.

И она шагнула к своему подъезду, неся в себе тепло прожитого дня, надежду — и предчувствие чего-то нового.

Глава 4. На одной волне

Дарья проснулась раньше будильника. В комнате было тихо, только за окном слышался слабый гомон птиц — будто и они знали, что сегодня важный день. Солнечные лучи мягко ложились на стены, пробираясь сквозь шторы, как будто пытаясь сказать: «Просыпайся. Всё уже началось».

Она долго лежала, уставившись в потолок. Мысли скакали: от формул по математике до того, как завязать волосы — в хвост или оставить распущенными?

«Что если я забуду? Что если у меня вылетит из головы самое простое?..» — мысленно крутила она.

Сердце колотилось, будто подгоняя её. Она встала, оделась, привела себя в порядок. На кухне мама уже варила овсянку.

— Доброе утро, солнышко, — сказала она, стараясь говорить бодро, но глаза выдавали — она тоже волнуется. — Кушай, тебе нужны силы.

— Спасибо, — отозвалась Дарья, сев за стол. Еда шла тяжело, словно каждый глоток надо было уговаривать.

Отец выглянул из коридора, держа в руке портфель младшего брата.

— Всё будет хорошо, Даш, — сказал он. — Ты умница. Мы в тебя верим.

Она кивнула. Слова родителей были как обволакивающее тепло — чуть-чуть полегчало.

Перед выходом мама поправила ей воротник, как делала это в начальной школе.

— Не спеши. Вдохни. Вспоминай спокойно. Ты всё знаешь.

Уже на улице она увидела Илью, стоящего у подъезда с рюкзаком. Он сжимал в руке ручку как талисман.

— Ты как? — спросила она, подходя.

— Как перед прыжком в холодную воду. — Он усмехнулся. — Ноги подкашиваются, но выбора нет.

— У меня желудок скрутило. А ведь я всё повторила.

— Это нормально. Мы же не роботы. Просто давай доживём до завтра, и всё.

К ним подошли Лера, Тимур и Максим. У всех были напряжённые лица, но встреча друг с другом сняла часть тревоги.

— Я сегодня с утра шептала алгебре комплименты. Думаю, это поможет, — пошутила Лера, и все засмеялись.

— У тебя странные ритуалы, — покачал головой Тимур. — Я просто молился кофе.

— А я обнял кота. Он теперь в стрессе, — добавил Макс.

Ребята шли к школе медленно, как будто дорога стала длиннее. Каждый шаг приближал их к моменту, которого они так ждали и так боялись. У ворот стояли другие ученики — шептались, смотрели на свои шпаргалки, кто-то нервно грыз ручку.

— Ну что? — спросила Лера. — Погнали?

— Погнали, — хором отозвались остальные.

И они вошли в здание, оставляя за спиной улицу, солнце и остатки детства. Впереди — экзамен. Но вместе им было не так страшно.

Они подошли к зданию школы. Оно стояло в лучах утреннего солнца, словно замерло в ожидании. Серое, знакомое до каждой царапины на перилах, оно вдруг казалось чужим — строгим, важным, почти торжественным. Как будто само здание понимало, что сегодня для этих подростков всё по-взрослому.

— Ну, вот мы и пришли, — пробормотал Тимур, глядя на высокие окна третьего этажа, где им предстояло сдавать.

Даша задержалась на мгновение у ворот. Школа, в которой они провели столько лет — со смехом, с контрольными, с дружбой и ссорой — теперь была как большой корабль, и вход в неё напоминал посадку на борт перед бурей.

— Интересно, а мы будем скучать по ней? — тихо спросила она, обращаясь то ли к друзьям, то ли к себе.

Макс обернулся.

— Думаю, да. Позже. Когда всё это пройдёт.

Лера достала из кармана маленький кулон в форме листика.

— Это мне бабушка дала. На удачу. Говорит, чтобы помнила: знания у меня не в бумажке, а в сердце. — Она сжала кулон в ладони. — И знаете, я ей верю.

Илья посмотрел на свои кроссовки, вздохнул и усмехнулся.

— Мои кроссовки столько километров со мной пробежали, что обязаны принести удачу. Хоть чуть-чуть.

У крыльца стоял завуч, перекладывая списки в папке. Учителя приветствовали учеников лёгкими кивками, стараясь не выдавать волнения. Лица у них были напряжённые — они переживали за своих, родных, таких ещё юных выпускников.

— Ну что, — сказал Макс, — шаг назад — и мы снова дети. Шаг вперёд — и вот он, взрослый мир.

Даша посмотрела на друзей. Тепло разлилось в груди. Какие же они всё-таки настоящие. Свои. И как хочется, чтобы это чувство осталось навсегда…

— Мы вместе. И это главное, — сказала она. — Пойдём.

Они медленно поднялись по ступеням, стараясь не смотреть на других учеников, чтобы не заразиться чужой паникой. За спиной хлопнула дверь. Гулкий звон эхом пронёсся по коридору, как точка отсчёта. Экзамен был уже совсем рядом.

Они стояли в коридоре у кабинета 3-Б, у которого уже собралась небольшая группа таких же взволнованных девятиклассников. Воздух был натянут, как струна — в нём витала тишина перед бурей. Кто-то нервно листал шпаргалки, кто-то беззвучно шептал себе под нос формулы, а кто-то просто смотрел в пол, будто там был ответ на всё.

Макс прислонился к стене, засунув руки в карманы. Он пытался выглядеть расслабленным, но ногой всё-таки постукивал по линолеуму — ритмично, почти как метроном.

— А если завалю? — неожиданно выпалила Лера, резко обернувшись к друзьям. — Что если я сяду и… ничего не вспомню?

— Ты не завалишь, — твёрдо ответила Даша. — Мы готовились. Помнишь? Даже ночью переписывались.

Лера кивнула, но взгляд её оставался тревожным. Она теребила рукав свитера, будто ища в нём опору.

— Главное — не паниковать, — вмешался Тимур. — Ну, максимум — пересдача. Не конец света.

— Спасибо, «утешил», — буркнула Лера, но на губах у неё всё же появилась слабая улыбка.

Илья сел на подоконник, выглянул в окно.

— Смотрите, какое небо. Прямо как в июне — голубое, глубокое. А ведь это уже почти лето… и всё меняется.

— Как будто сейчас жизнь поворачивает на новый поворот, — подхватила Даша. — Я чувствую это каждой клеткой. И страшно, и радостно. Знаете?

Рядом прошёл учитель математики с кипой бумаг. Он бросил на ребят доброжелательный, чуть усталый взгляд.

— Собрались? Молодцы. Главное — дышите ровно и не суетитесь. У вас всё получится.

Послышался щелчок замка. Дверь кабинета медленно открылась. Из него выглянула учительница, уже в строгом официальном настроении:

— Проходим. Только листочки и ручки. Остальное убираем.

Ребята переглянулись. Кто-то пожал плечами, кто-то выдохнул. Даша сжала кулак, как перед прыжком в воду, и сделала шаг вперёд.

— Пора, — тихо сказала она. — Удачи нам.

— Всем удачи, — откликнулись хором.

И они вошли в кабинет, где тишина была гуще воздуха.

Дверь мягко закрылась за спиной последнего ученика. Внутри кабинета было прохладно и строго: парты расставлены на расстоянии друг от друга, на стенах — привычные стенды и таблицы, а в центре — учительский стол, за которым сидел Петров Иван Николаевич, их учитель математики, сейчас выглядевший особенно собранным.

— Доброе утро, ребята, — произнёс он, поднимая взгляд и коротко улыбнувшись. — Проходите. Не волнуйтесь. Всё будет хорошо. Садитесь по одному, как написано в списке.

Ребята по очереди поздоровались, кто-то смущённо кивнул, кто-то тихо пробормотал:

— Здравствуйте, Иван Николаевич…

Макс прошёл первым, кивнул учителю и пошёл к столу с билетами. Его рука немного дрожала, когда он тянулся к бумажке.

— Номер десять, — озвучил он, стараясь не показать волнения. — Ладно, десятый — иду готовиться.

Даша подошла следом. Её сердце стучало гулко, будто отбивало отсчёт времени. Она посмотрела на вытянутые билеты и словно наугад выбрала один.

— Номер три... — прошептала она. В голове всплыли строки из учебника, она облегчённо выдохнула. — Вроде знаю. Надеюсь...

Илья сделал вид, что играет в лотерею, смешно закатывая глаза перед вытягиванием:

— И мне, пожалуйста, удачу и чуть-чуть логики.

Он вытянул билет, развернул. — Вау... Пятнадцатый. Это как раз тот, который я проспал. Ну супер...

— Не паникуй, — усмехнулся Макс с противоположного края кабинета, — ты у нас из любой формулы песню сделаешь.

— Главное — не станцевать перед учителем, — шепнула Лера, улыбаясь и вытягивая свой билет. — Номер восемь... норм. Даже очень.

Пока каждый из них садился за свой стол, чтобы подготовиться к ответу, Иван Николаевич с интересом наблюдал. Он видел уже десятки таких экзаменов, и всё же каждый раз всё внутри отзывалось — он помнил, какими были эти ребята в пятом классе, с рюкзаками больше самих себя, а теперь... уже почти взрослые.

— Не торопитесь, — сказал он, проходя мимо. — У вас есть время. Подумайте, соберитесь. Не смотрите на других, смотрите внутрь себя. Всё, что нужно, вы уже знаете.

В комнате повисла полутишина. Только скрип ручек, шорох бумаг и лёгкое постукивание ног по полу — ритмы волнения и концентрации.

Даша сглотнула и снова пробежала глазами формулировку билета.

«Ну же... Ты это проходила. Ты это решала сто раз. Ты сможешь».

Она взяла ручку и начала писать черновик, не давая тревоге ни одного шанса завладеть ею.

В аудитории стояла сосредоточенная тишина. За окнами лениво шуршали листья под лёгким июньским ветром, а внутри слышались только скрип ручек, тихие вздохи и время от времени шорох переворачиваемых страниц.

Макс сидел, нахмурив брови, и сосредоточенно чертил формулу на черновике. Его губы чуть шевелились — он будто шептал самому себе, повторяя знакомые определения:

«Теорема Виета… дискриминант… корень из…»

Он глубоко вдохнул и посмотрел на потолок. «Я знаю это. Просто соберись. Не в первый раз решаю. Главное — не перегореть сейчас».

Рядом Лера аккуратно записывала развернутый план ответа. Она всегда писала ровно и красиво — даже под стрессом её почерк оставался идеальным. На её лице была мягкая, но уверенная сосредоточенность.

«Докажи, что можешь. Для себя. Не для них», — мелькнуло у неё в голове.

Даша уткнулась в билет, потом в черновик, потом снова в билет. Её пальцы дрожали, и она ненадолго прикрыла глаза.

«Только бы не забыть формулировку… Где она была в тетради? А, вот! Всё, я это помню».

Она резко вздохнула, расправила плечи и начала писать — сначала медленно, неуверенно, потом всё увереннее, строчка за строчкой.

Илья, сидевший у окна, то записывал, то смотрел на облака. Он хмурился, потом усмехался сам себе:

«Ну вот и пригодился тот вечер с конспектом… Хотя бы половину понял — и то хорошо. Главное — не накосячить в объяснении».

Периодически один из ребят отрывался от листа, смотрел на часы, или бросал быстрый взгляд на учителя. Иван Николаевич, как старый добрый наблюдатель, сидел за своим столом и молча наблюдал, как поколение за поколением учится побеждать себя.

— Ещё пять минут, — тихо напомнил он, не поднимая голоса.

По комнате будто прокатился лёгкий ток: кто-то взялся писать быстрее, кто-то сделал последний акцент в расчётах, а кто-то закусил губу от волнения.

Даша посмотрела на черновик, потом на чистовик, ещё раз всё сверила.

«Всё. Я готова», — прошептала она почти незаметно и отложила ручку.

Макс поднял взгляд и улыбнулся ей коротко, по-дружески. Лера кивнула — все были в одном напряжённом, но вдохновенном ритме. Они, один за другим, отдали учителю листочки с ответами. Кто-то держал свой с дрожью в руках, у кого-то уже была лёгкая улыбка облегчения. Бумаги с характерными пометками, загибами, почерком, в котором угадывалось волнение, ложились на край стола, словно письма самому себе в будущее.

— Всё? — тихо спросил Илья, бросив взгляд на друзей.

— Кажется, да... — кивнула Даша, выдыхая. Сердце ещё колотилось. Ей казалось, что его биение слышно на весь коридор.

Учитель взглянул на них поверх очков, слегка улыбнулся, строго, но по-доброму:

— Завтра утром узнаете, как справились. А теперь идите, отдохните. Вы это заслужили.

Дверь кабинета мягко закрылась за их спинами, и ребята вышли в коридор. Свет в окнах стал теплее — день тянулся к закату. Лёгкий гул голосов в школе теперь казался далёким, почти неразборчивым — как будто весь мир сделал вдох вместе с ними.

— Ну, как думаешь, сдал? — повернулась Лера к Максу.

— Да вроде бы да. Хотя... — он почесал затылок. — Как всегда, сомнения.

Даша шла чуть позади. В голове крутились ответы, вопросы, строки. Но вдруг всё отступило. Она просто почувствовала: всё позади. Сегодня — точно.

— Странное ощущение, — сказала она тихо, будто самой себе. — Словно что-то закончилось.

— И началось, — добавил Илья, улыбаясь ей.

Они медленно спускались по лестнице, не торопясь расходиться. Впереди — лето. Но прежде, один короткий день ожидания. День, который они тоже проживут вместе.

Дарья и Тимур шли чуть позади. Их шаги были чуть медленнее, будто не хотели торопить этот момент. Впереди шли Лера, Макс и Илья — голос Леры звенел, как колокольчик, перемежаясь со смехом парней. Они что-то оживлённо обсуждали, но Даша не вслушивалась.

Воздух после экзамена казался особенно лёгким — как будто напряжение этих недель отступило, растворилось где-то в пыльном, тёплом июньском свете. Дарья шла, опустив глаза, поигрывая пальцами с ремешком рюкзака.

Тимур вдруг немного повернулся к ней, словно собирался сказать что-то важное, но слова никак не складывались. Он заметил, как солнце скользнуло по её щеке, зацепив отблеском ресницы. Вдохнул.

— Может…, может, погуляем? — выдохнул он, голос его прозвучал чуть хрипловато, будто пересохло в горле.

Дарья обернулась к нему, растерянно улыбнулась.

— Ща позову ребят... — начала она, уже поднимая руку.

— Вдвоём, — тихо, но отчётливо сказал он.

Она замерла. Слова словно зависли в воздухе, обдав её нежданным теплом. Сердце сделало кувырок.

Даша посмотрела на него — в глазах Тимура не было насмешки, только волнение, открытость и какая-то робкая решимость. Он не отводил взгляда, и от этого ей захотелось улыбнуться.

— Хорошо, — сказала она почти шёпотом, но достаточно, чтобы он услышал.

Щёки её вспыхнули — жарко, неловко, волнительно. Внутри всё затрепетало, будто она впервые вышла на сцену перед полным залом. Но при этом было легко, словно она уже знала свою роль.

Они свернули чуть в сторону, не спеша. Позади смех друзей, впереди — вечер, полный надежд и новых слов.

Лера, почувствовав, что позади стало слишком тихо, обернулась. На её лице застыло лёгкое удивление, смешанное с лёгкой догадкой.

— Вы идёте? — спросила она, немного прищурившись от солнца, падавшего сквозь высокие окна школы. Голос её прозвучал чуть озорно, как будто она заранее знала ответ.

Дарья смущённо отвела взгляд, поправляя лямку рюкзака. Тимур, напротив, посмотрел прямо, спокойно, но с ноткой твердости, словно впервые позволял себе что-то для себя.

— Нам надо поговорить… вы идите, — сказал он и лёгким движением махнул рукой, будто невзначай, но достаточно ясно.

Лера чуть подняла бровь, уловив в его тоне ту самую интонацию, с которой обычно начинается что-то важное. Она не стала переспрашивать — просто коротко кивнула, и уголки её губ приподнялись в полуулыбке.

— Ну, как скажете, — бросила она, оборачиваясь к Максу и Илье.

— Пошли, влюблённые остались, — добавила она с тихим смешком, чтобы услышали только свои.

Макс усмехнулся, Илья фыркнул, но никто не стал отпускать лишних шуток. Словно всё и так стало понятно. Они вышли из школы, растворяясь в лёгком шуме улицы и июньского ветра.

А Тимур и Даша остались стоять в почти опустевшем коридоре. Снаружи доносились голоса, но внутри было особое, почти хрупкое молчание — то самое, из которого рождаются настоящие разговоры.

Тимур и Дарья вышли из школьного здания, вдыхая тёплый, немного пыльный июньский воздух. Дверь за их спинами мягко захлопнулась, оставив позади прохладу коридоров и напряжение экзамена. Перед ними раскинулась улица, залитая светом, и ни следа их друзей — Лера, Макс и Илья уже скрылись за углом, растворившись в оживлённой суете дня.

Дарья остановилась на верхней ступеньке крыльца и на мгновение прикрыла глаза. Луч солнца мягко коснулся её ресниц, и в этом коротком моменте была целая вечность: ожидание, волнение, предвкушение. Она чувствовала, как сердце стучит чуть быстрее, чем обычно, и словно слышала его шум в тишине.

— Похоже, они нас всё-таки оставили, — с лёгкой улыбкой сказал Тимур, опускаясь взглядом вниз по улице. — Или... дали возможность наконец остаться вдвоём.

Он повернулся к ней, чуть наклонив голову, словно вглядываясь в её реакцию.

Дарья смущённо улыбнулась, зарывшись носом в плечо, будто прячась от его взгляда.

— Наверное, они всё поняли раньше нас, — пробормотала она.

Тимур тихо засмеялся. Негромко, но с той особой теплотой, от которой у неё по коже пробежали мурашки.

— Пойдём немного пройдёмся? — предложил он, протягивая руку. Его жест был простым, без пафоса, но в нём читалась и забота, и лёгкое волнение. Он сам не до конца понимал, как быть, но знал точно — не хотел отпускать этот день, этот момент и её.

Дарья посмотрела на его ладонь, потом — в глаза. И в этом взгляде он увидел доверие. Она кивнула. Её пальцы легко легли в его руку, и он почувствовал, как будто что-то внутри него стало спокойнее.

Их шаги зашуршали по асфальту, по дороге в никуда и всюду сразу — туда, где начинается история, которая запоминается навсегда.

Они шагали рядом, чуть медленнее, чем обычно, будто боялись спугнуть тишину, повисшую между ними. Улица казалась непривычно пустой — словно город специально освободил пространство, чтобы они могли быть только вдвоём.

Дарья несла в себе лёгкое волнение, которое жужжало внутри, как пчёлка под кожей. Время от времени она бросала короткие взгляды на Тимура, как будто проверяя: это всё по-настоящему? Они и раньше гуляли вместе, но сегодня было иначе. Сегодня каждый шаг звучал громче, каждое слово значило больше.

— Слушай, а ты помнишь, как мы первый раз встретились? — вдруг спросил Тимур, застенчиво усмехнувшись.

Дарья засмеялась, покачала головой:

— Конечно помню. Ты уронил мне на ботинок фломастер и смущённо извинился три раза подряд.

— А ты тогда посмотрела так, будто готова была стереть меня с лица земли, — поддразнил он, и в его голосе звучала тёплая нежность.

— Потому что это были мои новые ботинки! — всплеснула руками Дарья, смеясь. — А ты рисовал на парте!

— Искусство требует жертв, — попытался оправдаться Тимур и сделал вид, что драматично вздыхает.

Они оба рассмеялись, и напряжение между ними стало таять, растворяться в летнем воздухе.

Пока шли, Дарья заметила, как солнце пробивалось сквозь листву, рисуя на асфальте золотые узоры. Её пальцы всё ещё были в ладони Тимура, и теперь она не думала отпускать.

— Мне с тобой спокойно, — неожиданно сказала она, почти шёпотом.

Он посмотрел на неё. В его взгляде не было игры — только искренность.

— А мне с тобой — по-настоящему, — ответил он. — И как-то… правильно.

Они продолжили идти. Лето только начиналось, но в этом вечере уже был намёк на что-то важное. Что-то, что оставит след навсегда.

Они нашли свободную скамейку в тени раскидистого клёна, листья которого мягко шелестели под лёгким ветерком. Солнце уже начинало клониться к закату, окрашивая небо в пастельные оттенки розового и янтарного. Весь парк словно притих, давая им возможность остаться наедине с тишиной и собственными чувствами.

Дарья села, аккуратно пригладив подол платья. Тимур опустился рядом, но не слишком близко — будто боялся задеть тонкую грань, что ещё не перешёл. Его руки лежали на коленях, пальцы слегка подрагивали. Он украдкой посмотрел на неё, словно собирался что-то сказать, но не решался.

— Красиво, — прошептала Дарья, глядя на свет, пробивающийся сквозь листву. — Будто мир замедлился.

— Может, он и правда остановился… — тихо ответил Тимур, — …только для нас.

Её сердце вздрогнуло от этих слов. Она повернулась к нему, поймала его взгляд. Он не отводил глаз, и в его глазах было всё — волнение, надежда, страх быть непонятым и жгучее желание быть рядом.

— Я долго думал, как тебе это сказать, — вдруг начал он, понизив голос. — Но, может, это и не нужно говорить словами. Может, ты и так всё чувствуешь?

Она не ответила сразу. Вместо слов она просто взяла его за руку. Ладонь тёплая, немного влажная от волнения — такая настоящая. И он, будто выдохнув всё напряжение, впервые за весь день улыбнулся открыто, без стеснения.

— Знаешь… — сказала Дарья, уткнувшись взглядом в горизонт, — я ведь думала, что такое бывает только в книгах. А сейчас думаю — может, и в жизни тоже.

И это был момент, который останется с ними навсегда. Не как сцена, не как событие, а как чувство. Тихое, важное, живое.

Тимур посмотрел на неё с той самой тёплой, нерешительной улыбкой, которую она запомнит, наверное, на всю жизнь. Его взгляд скользнул по её лицу, по глазам, которые отражали закат и дрожали от чего-то большего, чем просто вечерняя прохлада.

Он осторожно протянул руку, словно просил разрешения без слов. Дарья чуть кивнула, едва заметно, но этого было достаточно. Он обнял её — сначала несмело, будто боялся нарушить хрупкость момента. Но когда почувствовал, как она расслабилась в его объятиях, как её руки легли ему на спину — крепче прижал к себе.

— Не бойся, — прошептал он ей в волосы. — Я рядом.

Дарья закрыла глаза. Всё вокруг исчезло — шум города, проезжающие мимо велосипеды, даже собственные тревоги. Остались только его голос, его тепло и биение его сердца, которое она чувствовала у своей щеки. Как будто это сердце отвечало за её собственное.

— Знаешь, — тихо сказала она, — с тобой даже тишина кажется уютной.

Он засмеялся, но негромко, а едва слышно, и с лёгким облегчением. Это был не смех, а благодарность — за доверие, за мгновение, за неё.

— Значит, останемся в ней… ещё чуть-чуть, — произнёс он.

И они сидели, обнявшись, пока закат не растаял в сумерках, а их сердца не настроились на одну волну — без слов, но в полной тишине понимания.

Они сидели рядом, молча, словно весь мир за пределами этой скамейки перестал существовать. Лёгкий вечерний ветер трепал волосы Дарьи, а сердце Тимура стучало с такой силой, что, казалось, оно сейчас выскочит из груди.

— Даш... — начал он, чуть наклонившись к ней. — Я... давно хотел это сказать... ты мне нравишься. Очень.

Дарья опустила глаза, улыбнулась уголками губ. Её щеки покраснели, но в этом румянце не было смущения — только нежность и волнение.

— Я тоже... — прошептала она едва слышно. — С самого начала лета всё как будто поменялось.

Он чуть приблизился, заглянул ей в глаза. Она не отводила взгляд.

— Можно? — спросил Тимур, голосом, в котором дрожала надежда.

Она не ответила словами — просто кивнула.

Их губы встретились в трепетном, осторожном поцелуе, полном тепла и чего-то совсем нового, искреннего. Всё вокруг словно растворилось: шорох листьев, далекие звуки улицы, шум машин — исчезло. Остались только они вдвоём и этот первый, хрупкий миг, в который вложилось так много чувств.

Когда поцелуй закончился, Дарья тихо выдохнула, прижалась к его плечу.

— Мне кажется, я запомню это навсегда, — сказала она с лёгкой улыбкой.

— Я точно запомню, — ответил Тимур и мягко сжал её руку.

После того трепетного момента на скамейке, они не сразу поднялись. Просто сидели, наслаждаясь тишиной, в которой было больше слов, чем в любом разговоре. Потом Тимур встал первым и подал Дарье руку.

— Пошли немного ещё пройдёмся? — спросил он мягко, глядя на неё с нежностью.

— Давай, — кивнула Дарья, её голос звучал чуть дрожащим, но в глазах светилось счастье.

Они шли рядом, порой, не говоря ни слова, но каждый шаг был наполнен каким-то новым, особым значением. Мимо проходили люди, проезжали машины, ветер шумел в кронах деревьев, а им казалось, будто весь город стал немного светлее.

Дарья украдкой посмотрела на Тимура. Он улыбался про себя, глядя вперёд, но её взгляд он почувствовал и повернулся.

— О чём думаешь? — спросила она.

— О том, что это самое лучшее лето в моей жизни, — честно ответил он. — И что, может быть… это только начало.

Дарья ничего не сказала. Просто сжала его руку чуть крепче. И этого было достаточно.

Они гуляли неспешно, как будто время специально замедлило свой бег ради них. Деревья отбрасывали длинные тени на тротуары, а теплый ветер ласково трепал волосы Дарьи. Они то смеялись, то погружались в разговоры, которые, казалось, не имели конца.

— Помнишь, как в прошлом году мы с тобой спорили, кто быстрее добежит до остановки? — рассмеялась Дарья, глядя на него с искренним весельем в глазах.

— Ага, и ты тогда меня толкнула, чтобы выиграть, — с улыбкой ответил Тимур. — С тех пор я больше не соревнуюсь с тобой. Опасно!

Дарья хихикнула, покачала головой.

— Ну, извини, я просто не люблю проигрывать.

— А я люблю, когда ты смеёшься, — тихо добавил он, глядя на неё чуть дольше, чем обычно.

Дарья смутилась, опустив глаза, но внутри всё вспыхнуло теплом.

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в розово-золотистые оттенки. Когда на улицах начали загораться первые фонари, Тимур посмотрел на часы.

— Уже поздно. Пойдём, я тебя провожу.

— Спасибо, — мягко сказала Дарья, чувствуя, как приятно и безопасно рядом с ним.

Они шли вдоль домов, их шаги звучали ритмично, будто под музыку. У подъезда Дарья остановилась и повернулась к Тимуру.

— Спасибо тебе за этот день. Он был… особенным.

— Для меня тоже, — сказал Тимур, немного сжав её руку. — До завтра?

— До завтра, — кивнула она, задержав взгляд на его глазах ещё на секунду, прежде чем скрыться за дверью подъезда.

Он ещё немного постоял, глядя на закрытую дверь, и улыбнулся сам себе. А потом повернулся и неспешно пошёл прочь — на сердце было легко и светло, как после весеннего дождя.

Утро выдалось ясным и бодрым — небо было чистым, словно вымытым, а воздух пах зеленью и легким ветерком. У школы уже начинали собираться ребята. Слышался смех, щелкали рюкзаки, кто-то перебрасывался шутками. Всё казалось обычным, но для Дарьи — утро было особенным. Она не спешила, каждый шаг к воротам школы был полон сладкого предвкушения.

Тимур уже стоял у ворот, прислонившись к ограде. Когда он заметил Дарью, его лицо сразу засветилось улыбкой.

— Привет, — сказал он, выпрямляясь.

— Привет, — Дарья почувствовала, как щеки предательски вспыхнули. Она посмотрела на него и тоже улыбнулась.

— Как спала? — спросил он, будто между ними было уже что-то большее, чем просто дружба.

— Хорошо. Только всё утро вспоминала нашу прогулку, — тихо призналась она.

— Я тоже, — ответил Тимур, и между ними повисло мгновение молчания — лёгкое, но наполненное.

В этот момент к ним подошли Лера, Макс и Илья.

— О, влюблённые тоже пришли! — с улыбкой сказала Лера, слегка толкнув Дарью плечом.

— Прекрати, — засмеялась Дарья, но не спрятала улыбку.

— Как результаты, кто-то уже смотрел? — спросил Илья, сразу переключаясь на школьные темы.

— Скоро скажут, не торопись. Вдруг там всё не так страшно, как мы думали, — отозвался Макс.

— Главное — не результат, а то, как мы это отметим! — сказал Тимур, подмигнув Дарье, и та снова слегка покраснела.

Они смеялись, шутили, и казалось, будто в воздухе витала особая энергия — энергия лета, юности и чего-то очень важного, что только начиналось.

Школьный коридор был наполнен приглушённым гулом голосов и скрипами подошв по линолеуму. У доски объявлений толпились ученики — кто с нетерпением, кто с тревогой, кто с показной бравадой. Дарья сжала пальцы Тимура — не специально, инстинктивно. Тот ответил легким сжатием и наклонился к ней:

— Всё будет хорошо. Даже если нет — вместе прорвёмся, понял?

— Я… просто не хочу выглядеть глупо, — призналась она, не глядя в глаза.

— Ты никогда не выглядишь глупо. Особенно в моих глазах, — сказал он и улыбнулся.

Лера, впереди идущая, уже начала пробираться сквозь толпу.

— Давайте, пока нас не затоптали! — крикнула она, маша рукой.

— А вдруг я завалил? — пробормотал Макс, почесывая затылок. — Придётся в цирк идти работать клоуном.

— Да ну тебя, — отмахнулась Лера. — В цирк тебя не возьмут, у тебя харизмы не хватит!

— Эй! — возмутился Макс, но засмеялся.

Илья шел молча, взгляд его был сосредоточен. Внутри него боролись надежда и сомнение.

Они подошли ближе. Лера подскочила к спискам первая, быстро пробежалась глазами и вскрикнула:

— Есть! У меня четвёрка! Живу!

— Дай я! — Дарья прильнула к бумаге и, выхватывая своё имя, почти не дышала. «Дарья Соколова — 5».

— Пятёрка… — выдохнула она, как будто отпустила груз, что висел на плечах всю весну. — У меня пятёрка.

— Ты гений, — прошептал Тимур ей в ухо и сам наклонился к списку.

— Тимур Грачёв — … тоже пять! — Лера прочитала за него, хитро улыбнувшись. — Ну конечно. Наш гений влюбился в гения. Всё логично.

— Ага, теперь меня точно в цирк не возьмут, — буркнул Макс, — у меня три. Но зато честная!

— У меня четыре, — сказал Илья спокойно, — и тоже не купленная.

— Пойдём праздновать? — предложила Дарья, сжимая свой рюкзак и едва сдерживая улыбку.

— Пошли, — сказал Тимур. — Мы это заслужили.

И все пятеро вышли из школы под солнцем, которое сегодня светило особенно ярко, будто гордилось ими.

Так, день за днём, в череде переживаний и вздохов облегчения, прошли остальные экзамены. Каждый был как отдельное испытание — со своими трудными билетами, напряжённым ожиданием в коридоре, тихими пожеланиями удачи и сжатыми ладонями перед входом в кабинет.

— Удачи! — шептала Дарья Тимуру перед его последним экзаменом, и он, улыбаясь, отвечал:

— С тобой она всегда на моей стороне.

После каждого экзамена они выходили чуть более свободными, чуть более лёгкими. И вот, наконец, пришёл тот день, когда они сдали последний — и внутри всё опустело. Тревога испарилась, как роса на солнце, а вместо неё появилось странное ощущение: как будто впереди — простор, воздух и солнце без границ.

— Всё! Это конец! — закричала Лера, выбегая на улицу и раскидывая руки к небу. — Каникулы, привет!

Макс подхватил её крик и закружил на месте, а Илья впервые за долгое время просто смеялся, легко и беззаботно.

Дарья стояла рядом с Тимуром и смотрела, как лето распахивает им свои двери. Деревья шумели листвой, будто тоже радовались за них.

— Представляешь? Мы свободны. До самой осени, — сказала она, глядя на него.

— Представляю, — ответил он и взял её за руку. — И я хочу провести каждую минуту этого лета с тобой.

Солнце светило ярко. Наступили настоящие каникулы — долгие, тёплые, полные новых дней, в которых не было места ни контрольным, ни тревогам. Только друзья, смех, прогулки, вечерние огоньки фонарей и первая любовь, что расцветала в каждом взгляде и прикосновении.

Как-то в один из тёплых июньских дней, когда воздух напоминал мёд, густой и сладкий, а город лениво дремал в знойном свете, Дарья и Тимур снова пошли гулять. Всё было, как обычно: смех на улицах, аромат липы, редкие прохожие с мороженым в руках… Но внутри у них всё было по-особенному.

Они шли рядом, не спеша, касаясь плечами, будто всё, что происходило вокруг, было просто декорациями для их собственного, тихого спектакля.

— Помнишь, как мы боялись экзаменов? — спросила Даша, улыбаясь и щурясь от солнца.

— Теперь кажется, будто это было в другой жизни, — кивнул Тимур. — А ведь прошло всего пару недель.

Она засмеялась — звонко, по-настоящему.

— Странно, да? Столько времени всё крутилось вокруг школы, оценок… А теперь — ни расписания, ни звонков. Только мы и лето.

— И планы, — добавил он. — Большие, невероятные. Мы ведь договорились — на речку, потом в поход с ребятами… и обязательно кино под открытым небом.

— И на крышу с пледом! — вставила она с азартом. — Я мечтаю встретить рассвет вместе.

Они переглянулись, и в этом взгляде было всё — доверие, робкая нежность и что-то ещё, пока не сказанное вслух.

— Мне кажется, это лето мы будем вспоминать всегда, — сказала Дарья тихо.

— Я уже знаю, что буду, — ответил он и чуть крепче сжал её ладонь.

А день между тем продолжался — лёгкий, солнечный, будто подаренный им специально. И небо над ними было ясным, как начало самой красивой истории.

Когда солнце уже клонилось к закату, заливая улицы мягким золотом, они свернули в знакомый двор. Шли молча, не потому что не о чем говорить — просто не хотелось разрушать ту тонкую тишину, что образовалась между ними. Тишину, полную смысла, взгляда, тепла и обещаний.

У подъезда Дарья остановилась и повернулась к Тимуру. В её глазах отражались последние отблески дня и лёгкая грусть — от того, что прогулка подошла к концу.

— Спасибо за вечер, — тихо сказала она.

— Спасибо тебе, — улыбнулся Тимур, немного смущённо, будто внутри у него всё дрожало от волнения.

Он шагнул ближе, наклонился, и их губы встретились в коротком, нежном поцелуе — трепетном, как дыхание лета, как первое прикосновение к чему-то новому, важному. Дарья едва заметно улыбнулась, отступив на шаг к двери.

— Спокойной ночи, — прошептала она.

— До завтра, — ответил он и не спеша пошёл прочь, оборачиваясь ещё пару раз, пока не скрылся за углом.

А она всё стояла на ступеньках, прижимая ладони к губам и не в силах сдержать улыбку. Мир вокруг был прежним, но внутри всё изменилось. Навсегда.

Дарья застыла посреди лестничной площадки. Телефон соскользнул в карман, но она всё ещё ощущала в ладони его вес — как будто от него продолжали звучать слова Леры, эхом отдаваясь внутри: «уезжает», «Германия», «не говорил...»

Она не спешила подниматься, оперлась о холодную перила, пытаясь осознать услышанное. Сердце колотилось, в груди будто что-то упало. Только что он её поцеловал. Только что стоял здесь, такой близкий, тёплый, родной. А теперь — как? Уже всё?

— Почему он мне не сказал? — прошептала она, и в голосе её дрожало не столько разочарование, сколько боль.

Знал ли он, что всё разрушит этим молчанием? Или боялся? Или думал, что так будет легче? В голове закрутились догадки, обиды, мысли одна тяжелее другой. Она поднялась по лестнице словно на автомате — ноги сами несли, а в голове гудел невыносимый шум. Никаких слёз, только пустота.

Оказавшись в квартире, Дарья закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и села прямо на пол. В груди — ком. В горле — горечь. В голове — только одно:

«Почему ты мне не сказал?»

Утро выдалось непривычно тихим. Солнце, как всегда, заглядывало в комнату Дарьи сквозь тонкие шторы, рисуя на стенах блики, но она не обратила на них внимания. Она лежала на спине, уставившись в потолок, с телефоном в руке — пустой экран молчал. Ни звонка, ни сообщения.

«Он так и не написал…» — пронеслось у неё в голове, и стало как-то особенно пусто.

Когда она подошла к окну, то увидела, как из соседнего двора выехала машина. Серебристый минивэн, аккуратно загруженный чемоданами. Тимур стоял рядом с дверцей, обнял на прощание мать, пожал руку отцу. Его лицо было напряжённым, взгляд — сосредоточенным. Он оглянулся, словно что-то искал. Или кого-то.

Дарья замерла за занавеской. Она не знала — хочет ли, чтобы он её увидел, или наоборот, пряталась от этого взгляда. Грудь сжалась — всё было по-настоящему. Это не просто разговоры. Он действительно уезжает. Сегодня. Сейчас.

Она не пошла вниз. Просто стояла, не в силах пошевелиться, как будто шаг — даже один — может сорвать всё, выбросить наружу чувства, которые она так старательно прятала со вчерашнего дня. Боль, непонимание, обида. А вместе с ними — то странное нежное тепло, которое она ощущала рядом с ним.

Машина тронулась. Она следила, как она выезжает со двора, пока не скрылась за углом.

— Пока, — прошептала она, прижав ладонь к стеклу. — Почему ты не смог сказать это первым?

И на глаза, наконец, выступили слёзы. Не рыдания, не истерика — просто тихие, щемящие капли, капающие по щекам, как дождь, когда уже всё прошло.

Глава 5. Точка замерзания

Они сидели рядом, молча, словно весь мир за пределами этой скамейки перестал существовать. Лёгкий вечерний ветер трепал волосы Дарьи, а сердце Тимура стучало с такой силой, что, казалось, оно сейчас выскочит из груди.

— Даш... — начал он, чуть наклонившись к ней. — Я... давно хотел это сказать... ты мне нравишься. Очень.

Дарья опустила глаза, улыбнулась уголками губ. Её щеки покраснели, но в этом румянце не было смущения — только нежность и волнение.

— Я тоже... — прошептала она едва слышно. — С самого начала лета всё как будто поменялось.

Он чуть приблизился, заглянул ей в глаза. Она не отводила взгляд.

— Можно? — спросил Тимур, голосом, в котором дрожала надежда.

Она не ответила словами — просто кивнула.

Их губы встретились в трепетном, осторожном поцелуе, полном тепла и чего-то совсем нового, искреннего. Всё вокруг словно растворилось: шорох листьев, далекие звуки улицы, шум машин — исчезло. Остались только они вдвоём и этот первый, хрупкий миг, в который вложилось так много чувств.

Когда поцелуй закончился, Дарья тихо выдохнула, прижалась к его плечу.

— Мне кажется, я запомню это навсегда, — сказала она с лёгкой улыбкой.

— Я точно запомню, — ответил Тимур и мягко сжал её руку.

После того трепетного момента на скамейке, они не сразу поднялись. Просто сидели, наслаждаясь тишиной, в которой было больше слов, чем в любом разговоре. Потом Тимур встал первым и подал Дарье руку.

— Пошли немного ещё пройдёмся? — спросил он мягко, глядя на неё с нежностью.

— Давай, — кивнула Дарья, её голос звучал чуть дрожащим, но в глазах светилось счастье.

Они шли рядом, порой не говоря ни слова, но каждый шаг был наполнен каким-то новым, особым значением. Мимо проходили люди, проезжали машины, ветер шумел в кронах деревьев, а им казалось, будто весь город стал немного светлее.

Дарья украдкой посмотрела на Тимура. Он улыбался про себя, глядя вперёд, но её взгляд он почувствовал и повернулся.

— О чём думаешь? — спросила она.

— О том, что это самое лучшее лето в моей жизни, — честно ответил он. — И что, может быть… это только начало.

Дарья ничего не сказала. Просто сжала его руку чуть крепче. И этого было достаточно.

Они гуляли неспешно, как будто время специально замедлило свой бег ради них. Деревья отбрасывали длинные тени на тротуары, а теплый ветер ласково трепал волосы Дарьи. Они то смеялись, то погружались в разговоры, которые, казалось, не имели конца.

— Помнишь, как в прошлом году мы с тобой спорили, кто быстрее добежит до остановки? — рассмеялась Дарья, глядя на него с искренним весельем в глазах.

— Ага, и ты тогда меня толкнула, чтобы выиграть, — с улыбкой ответил Тимур. — С тех пор я больше не соревнуюсь с тобой. Опасно!

Дарья хихикнула, покачала головой.

— Ну, извини, я просто не люблю проигрывать.

— А я люблю, когда ты смеёшься, — тихо добавил он, глядя на неё чуть дольше, чем обычно.

Дарья смутилась, опустив глаза, но внутри всё вспыхнуло теплом. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в розово-золотистые оттенки. Когда на улицах начали загораться первые фонари, Тимур посмотрел на часы.

— Уже поздно. Пойдём, я тебя провожу.

— Спасибо, — мягко сказала Дарья, чувствуя, как приятно и безопасно рядом с ним.

Они шли вдоль домов, их шаги звучали ритмично, будто под музыку. У подъезда Дарья остановилась и повернулась к Тимуру.

— Спасибо тебе за этот день. Он был… особенным.

— Для меня тоже, — сказал Тимур, немного сжав её руку. — До завтра?

— До завтра, — кивнула она, задержав взгляд на его глазах ещё на секунду, прежде чем скрыться за дверью подъезда.

Он ещё немного постоял, глядя на закрытую дверь, и улыбнулся сам себе. А потом повернулся и неспешно пошёл прочь — на сердце было легко и светло, как после весеннего дождя.

Утро выдалось ясным и бодрым — небо было чистым, словно вымытым, а воздух пах зеленью и легким ветерком. У школы уже начинали собираться ребята. Слышался смех, щелкали рюкзаки, кто-то перебрасывался шутками. Всё казалось обычным, но для Дарьи утро было особенным. Она не спешила, каждый шаг к воротам школы был полон сладкого предвкушения.

Тимур уже стоял у ворот, прислонившись к ограде. Когда он заметил Дарью, его лицо сразу засветилось улыбкой.

— Привет, — сказал он, выпрямляясь.

— Привет, — Дарья почувствовала, как щеки предательски вспыхнули. Она посмотрела на него и тоже улыбнулась.

— Как спала? — спросил он, будто между ними было уже что-то большее, чем просто дружба.

— Хорошо. Только всё утро вспоминала нашу прогулку, — тихо призналась она.

— Я тоже, — ответил Тимур, и между ними повисло мгновение молчания — лёгкое, но наполненное.

В этот момент к ним подошли Лера, Макс и Илья.

— О, влюблённые тоже пришли! — с улыбкой сказала Лера, слегка толкнув Дарью плечом.

— Прекрати, — засмеялась Дарья, но не спрятала улыбку.

— Как результаты, кто-то уже смотрел? — спросил Илья, сразу переключаясь на школьные темы.

— Скоро скажут, не торопись. Вдруг там всё не так страшно, как мы думали, — отозвался Макс.

— Главное — не результат, а то, как мы это отметим! — сказал Тимур, подмигнув Дарье, и та снова слегка покраснела.

Они смеялись, шутили, и казалось, будто в воздухе витала особая энергия — энергия лета, юности и чего-то очень важного, что только начиналось.

Школьный коридор был наполнен приглушённым гулом голосов и скрипами подошв по линолеуму. У доски объявлений толпились ученики — кто с нетерпением, кто с тревогой, кто с показной бравадой. Дарья сжала пальцы Тимура — не специально, инстинктивно. Тот ответил легким сжатием и наклонился к ней:

— Всё будет хорошо. Даже если нет — вместе прорвёмся, понял?

— Я… просто не хочу выглядеть глупо, — призналась она, не глядя в глаза.

— Ты никогда не выглядишь глупо. Особенно в моих глазах, — сказал он и улыбнулся.

Лера, впереди идущая, уже начала пробираться сквозь толпу.

— Давайте, пока нас не затоптали! — крикнула она, маша рукой.

— А вдруг я завалил? — пробормотал Макс, почесывая затылок. — Придётся в цирк идти работать клоуном.

— Да ну тебя, — отмахнулась Лера. — В цирк тебя не возьмут, у тебя харизмы не хватит!

— Эй! — возмутился Макс, но засмеялся.

Илья шел молча, взгляд его был сосредоточен. Внутри него боролись надежда и сомнение.

Они подошли ближе. Лера подскочила к спискам первая, быстро пробежалась глазами и вскрикнула:

— Есть! У меня четвёрка! Живу!

— Дай я! — Дарья прильнула к бумаге и, выхватывая своё имя, почти не дышала. «Дарья Соколова — 5».

— Пятёрка… — выдохнула она, как будто отпустила груз, что висел на плечах всю весну. — У меня пятёрка.

— Ты гений, — прошептал Тимур ей в ухо и сам наклонился к списку.

— Тимур Грачёв — … тоже пять! — Лера прочитала за него, хитро улыбнувшись. — Ну конечно. Наш гений влюбился в гения. Всё логично.

— Ага, теперь меня точно в цирк не возьмут, — буркнул Макс, — у меня три. Но зато честная!

— У меня четыре, — сказал Илья спокойно, — и тоже не купленная.

— Пойдём праздновать? — предложила Дарья, сжимая свой рюкзак и едва сдерживая улыбку.

— Пошли, — сказал Тимур. — Мы это заслужили.

И все пятеро вышли из школы под солнцем, которое сегодня светило особенно ярко, будто гордилось ими.

Так, день за днём, в череде переживаний и вздохов облегчения, прошли остальные экзамены. Каждый был как отдельное испытание — со своими трудными билетами, напряжённым ожиданием в коридоре, тихими пожеланиями удачи и сжатыми ладонями перед входом в кабинет.

— Удачи! — шептала Дарья Тимуру перед его последним экзаменом, и он, улыбаясь, отвечал:

— С тобой она всегда на моей стороне.

После каждого экзамена они выходили чуть более свободными, чуть более лёгкими. И вот, наконец, пришёл тот день, когда они сдали последний — и внутри всё опустело. Тревога испарилась, как роса на солнце, а вместо неё появилось странное ощущение: как будто впереди — простор, воздух и солнце без границ.

— Всё! Это конец! — закричала Лера, выбегая на улицу и раскидывая руки к небу. — Каникулы, привет!

Макс подхватил её крик и закружил на месте, а Илья впервые за долгое время просто смеялся, легко и беззаботно.

Дарья стояла рядом с Тимуром и смотрела, как лето распахивает им свои двери. Деревья шумели листвой, будто тоже радовались за них.

— Представляешь? Мы свободны. До самой осени, — сказала она, глядя на него.

— Представляю, — ответил он и взял её за руку. — И я хочу провести каждую минуту этого лета с тобой.

Солнце светило ярко. Наступили настоящие каникулы — долгие, тёплые, полные новых дней, в которых не было места ни контрольным, ни тревогам. Только друзья, смех, прогулки, вечерние огоньки фонарей и первая любовь, что расцветала в каждом взгляде и прикосновении.

Как-то в один из тёплых июньских дней, когда воздух напоминал мёд, густой и сладкий, а город лениво дремал в знойном свете, Дарья и Тимур снова пошли гулять. Всё было, как обычно: смех на улицах, аромат липы, редкие прохожие с мороженым в руках… Но внутри у них всё было по-особенному.

Они шли рядом, не спеша, касаясь плечами, будто всё, что происходило вокруг, было просто декорациями для их собственного, тихого спектакля.

— Помнишь, как мы боялись экзаменов? — спросила Даша, улыбаясь и щурясь от солнца.

— Теперь кажется, будто это было в другой жизни, — кивнул Тимур. — А ведь прошло всего пару недель.

Она засмеялась — звонко, по-настоящему.

— Странно, да? Столько времени всё крутилось вокруг школы, оценок… А теперь — ни расписания, ни звонков. Только мы и лето.

— И планы, — добавил он. — Большие, невероятные. Мы ведь договорились — на речку, потом в поход с ребятами… и обязательно кино под открытым небом.

— И на крышу с пледом! — вставила она с азартом. — Я мечтаю встретить рассвет вместе.

Они переглянулись, и в этом взгляде было всё — доверие, робкая нежность и что-то ещё, пока не сказанное вслух.

— Мне кажется, это лето мы будем вспоминать всегда, — сказала Дарья тихо.

— Я уже знаю, что буду, — ответил он и чуть крепче сжал её ладонь.

А день между тем продолжался — лёгкий, солнечный, будто подаренный им специально. И небо над ними было ясным, как начало самой красивой истории.

Когда солнце уже клонилось к закату, заливая улицы мягким золотом, они свернули в знакомый двор. Шли молча, не потому что не о чем говорить — просто не хотелось разрушать ту тонкую тишину, что образовалась между ними. Тишину, полную смысла, взгляда, тепла и обещаний.

У подъезда Дарья остановилась и повернулась к Тимуру. В её глазах отражались последние отблески дня и лёгкая грусть — от того, что прогулка подошла к концу.

— Спасибо за вечер, — тихо сказала она.

— Спасибо тебе, — улыбнулся Тимур, немного смущённо, будто внутри у него всё дрожало от волнения.

Он шагнул ближе, наклонился, и их губы встретились в коротком, нежном поцелуе — трепетном, как дыхание лета, как первое прикосновение к чему-то новому, важному. Дарья едва заметно улыбнулась, отступив на шаг к двери.

— Спокойной ночи, — прошептала она.

— До завтра, — ответил он и не спеша пошёл прочь, оборачиваясь ещё пару раз, пока не скрылся за углом.

А она всё стояла на ступеньках, прижимая ладони к губам и не в силах сдержать улыбку. Мир вокруг был прежним, но внутри всё изменилось. Навсегда.

Дарья застыла посреди лестничной площадки. Телефон соскользнул в карман, но она всё ещё ощущала в ладони его вес — как будто от него продолжали звучать слова Леры, эхом отдаваясь внутри: «уезжает», «Германия», «не говорил...»

Она не спешила подниматься, оперлась о холодную перила, пытаясь осознать услышанное. Сердце колотилось, в груди будто что-то упало. Только что он её поцеловал. Только что стоял здесь, такой близкий, тёплый, родной. А теперь — как? Уже всё?

— Почему он мне не сказал? — прошептала она, и в голосе её дрожало не столько разочарование, сколько боль.

Знал ли он, что всё разрушит этим молчанием? Или боялся? Или думал, что так будет легче? В голове закрутились догадки, обиды, мысли одна тяжелее другой. Она поднялась по лестнице словно на автомате — ноги сами несли, а в голове гудел невыносимый шум. Никаких слёз, только пустота.

Оказавшись в квартире, Дарья закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и села прямо на пол. В груди — ком. В горле — горечь. В голове — только одно:

«Почему ты мне не сказал?»

Утро выдалось непривычно тихим. Солнце, как всегда, заглядывало в комнату Дарьи сквозь тонкие шторы, рисуя на стенах блики, но она не обратила на них внимания. Она лежала на спине, уставившись в потолок, с телефоном в руке — пустой экран молчал. Ни звонка, ни сообщения.

«Он так и не написал…» — пронеслось у неё в голове, и стало как-то особенно пусто.

Когда она подошла к окну, то увидела, как из соседнего двора выехала машина. Серебристый минивэн, аккуратно загруженный чемоданами. Тимур стоял рядом с дверцей, обнял на прощание мать, пожал руку отцу. Его лицо было напряжённым, взгляд — сосредоточенным. Он оглянулся, словно что-то искал. Или кого-то.

Дарья замерла за занавеской. Она не знала — хочет ли, чтобы он её увидел, или наоборот, пряталась от этого взгляда. Грудь сжалась — всё было по-настоящему. Это не просто разговоры. Он действительно уезжает. Сегодня. Сейчас.

Она не пошла вниз. Просто стояла, не в силах пошевелиться, как будто шаг — даже один — может сорвать всё, выбросить наружу чувства, которые она так старательно прятала со вчерашнего дня. Боль, непонимание, обида. А вместе с ними — то странное нежное тепло, которое она ощущала рядом с ним.

Машина тронулась. Она следила, как она выезжает со двора, пока не скрылась за углом.

— Пока, — прошептала она, прижав ладонь к стеклу. — Почему ты не смог сказать это первым?

И на глаза, наконец, выступили слёзы. Не рыдания, не истерика — просто тихие, щемящие капли, капающие по щекам, как дождь, когда уже всё прошло.

С того утра, как Тимур уехал, что-то в ней словно оборвалось. Мир стал плоским, обесцвеченным, как старая фотография. Даша сидела у окна, глядя на мокрый асфальт, по которому медленно текли капли дождя. Внутри у неё было такое же: сыро, пусто, тихо.

Она почти не выходила из комнаты. Задёрнутые шторы, выключенный телефон, и плед, в который она куталась, как в броню. Родители сначала не понимали — пытались звать на прогулки, включали её любимую музыку на кухне, готовили её любимые сырники. Но Даша отвечала только тишиной.

Иногда она прокручивала в голове всё снова: как он смотрел на неё, как смущённо улыбался, как обнимал и говорил: «Ты такая настоящая, не хочу, чтобы это заканчивалось». И не говорил, что уезжает. Почему? Почему молчал? Не доверял? Не хотел прощания?

Слёзы накатывали внезапно, как весенние ливни. В один из таких моментов она сжала подушку и прошептала:

— Ты обещал быть рядом… А я поверила.

Прошло три дня. Лера стучалась в дверь, писала сообщения, оставляла у порога её любимый лимонад и записки с глупыми шуточками. Но Даша не открывала. Она боялась, что если хоть чуть-чуть приоткроет дверь, то все эти чувства хлынут наружу, и она уже не сможет собрать себя обратно.

Но сердце, как бы сильно ни болело, не может плакать вечно.

Прошла неделя. За окном снова светило солнце, но в комнате Даши всё оставалось по-прежнему тускло и тихо. Телефон на тумбочке мигал непрочитанными сообщениями. Он вибрировал по несколько раз в день — друзья не сдавались.

Лера звонила первой.

— Ну, возьми же… — почти прошептала она, сидя на подоконнике у себя дома, глядя на экран с фотографией улыбающейся Даши. — Ты не одна, слышишь? Ты же знаешь, как мы тебя любим…

Гудки. Один за другим. Потом — глухая тишина.

Макс писал в чат:

«Даш, мы волнуемся. Может, просто напишешь, что с тобой всё в порядке? Хоть точку. Хоть смайл.»

Илья прислал фото: весёлое, с того самого дня, когда они всей компанией были у реки. Даша там — смеётся, в платье с жёлтыми подсолнухами.

«Помнишь? А мы помним. И ждём тебя обратно. Не молчи…»

Но экран оставался чёрным.

Даша лежала, уставившись в потолок. Она слышала, как телефон снова завибрировал. И снова. И снова.

— Простите… — шептала она почти беззвучно. — Я просто… не могу. Сейчас — не могу.

Сердце ныло, как после бега. Как будто в груди крутился тугой узел. Иногда ей казалось, что если она просто откроет мессенджер — всё рухнет: слёзы польются ручьём, и тогда ей придётся признать — Тимур уехал. Без слов. Без обещаний.

«Почему ты не сказал мне…» — стучало в висках. — «Почему ты не дал мне проститься?»

Слёзы скатились по щеке, и она не вытерла их. Просто смотрела в потолок и слушала, как звонок Леры снова обрывается.

Дверь тихо скрипнула, как будто извиняясь за вторжение, и медленно отворилась. В комнату шагнул отец — высокий, чуть сутулый, с усталым, но добрым лицом. Он посмотрел на дочку, сжав губы, будто подбирая слова, и осторожно подошёл к кровати. Даша лежала, свернувшись калачиком под пледом, лицом к стене. Её плечи слабо вздрагивали от сдерживаемых рыданий.

Он сел на край кровати так бережно, будто боялся потревожить хрупкий покой.

— Дашенька, — негромко произнёс он, — не стоит из-за него убиваться.

Пауза. Он провёл рукой по её волосам, гладя их, как в детстве, когда она боялась грозы.

— Лучше выйди, прогуляйся. С друзьями пообщайся. Ты ведь у меня сильная.

Она не ответила. Лишь глубже зарылась в подушку, пытаясь спрятаться от слов, от мира, от боли, разъедающей изнутри.

«Сильная? Зачем мне быть сильной, если он ушёл? Если его больше нет рядом? Он обещал, что будет всегда...» — с болью пронеслось у неё в голове. Её губы дрогнули, слёзы снова заструились по щекам. Мир казался пустым и бессмысленным.

Она чувствовала, как папа ещё несколько секунд сидел рядом, ожидая, надеясь на ответ, хоть на взгляд. Но Даша не обернулась. Сердце сжалось от чувства вины, но душа будто обросла тяжёлым камнем.

Он встал так же тихо, как и вошёл, стараясь не хлопнуть дверью. Лёгкий запах его одеколона остался в воздухе, словно напоминание о заботе и любви. Когда щелкнул замок, и дверь вновь закрылась, Даша сжала подушку и тихо прошептала:

— Пап, прости... Я просто пока не могу...

И снова в комнате осталась лишь тишина и мерное тиканье настенных часов, отсчитывающие долгие минуты её одиночества.

Через некоторое время дверь снова едва слышно скрипнула. В комнату заглянула мама. Тёплый свет из коридора на миг разрезал полумрак, в котором Даша продолжала лежать, не шелохнувшись. Мама шагнула внутрь и закрыла за собой дверь, приглушив всё, кроме приглушённого звона посуды с кухни.

Она подошла медленно, осторожно, как будто боялась напугать свою девочку. Присела на край кровати и не сказала ни слова. Просто аккуратно провела рукой по голове дочери — нежно, ласково, как в далёком детстве, когда Даша прибегала к ней с разбитыми коленками и слезами. Тот же тихий, успокаивающий жест, полный любви и терпения.

— Доченька… — наконец прошептала мама, — ты должна поесть хоть немного. Я приготовила твоё любимое… картошку с хрустящей корочкой и огурчики. Помнишь, как ты всегда просила их отдельно подать?

Даша слабо вздохнула, но не повернулась. Внутри всё было тяжёлым как свинец. Аппетит исчез ещё утром, когда пришла та злая, разрывающая новость. Еда казалась чем-то далёким и ненужным.

«Зачем есть, если всё будто остановилось?.. Даже еда не имеет вкуса, когда в груди только пустота.» — думала она, беззвучно глядя в стену.

Мама наклонилась, поцеловала её в висок, и её губы дрогнули от тревоги. В глазах — беспомощная грусть. Она знала, как тяжело сейчас её дочери, и от этого собственная душа тоже болела.

— Я оставлю на столе. Подогрею, когда захочешь… Хорошо, родная?

С этими словами она встала, задержалась на мгновение у двери, словно надеясь, что Даша позовёт, скажет хоть слово. Но в комнате снова повисла тишина. Дверь тихо закрылась.

Дарья закрыла глаза. Одинокая слеза скатилась по щеке. Она слышала, как на кухне звякнула ложка, как мама что-то тихо сказала отцу… И от этого её сердце сжалось. Она не хотела их расстраивать. Но пока просто не могла встать.

«Простите… Я обязательно встану. Только чуть позже… Только дайте мне ещё немного времени.»

Через некоторое время дверь снова приоткрылась — уже порезче, без осторожности взрослых, с детской решимостью. В комнату вбежал младший брат Артём, держа в руках ярко-красную машинку с большими колёсами. Он был в пижаме, босиком, с растрёпанными волосами и восторженной улыбкой на лице.

— Смотри, Даш! — радостно воскликнул он, подбегая к её кровати. — Это мне папа купил! Она ездит и вот так переворачивается! Смотри, как круто!

Он с размаху поставил машинку на пол и с воодушевлением запустил её. Машинка со звуком проехала по ковру, столкнулась с ножкой стула и перевернулась, как и было задумано. Артём засмеялся, весело посмотрел на сестру, ожидая, что она тоже улыбнётся или хотя бы посмотрит.

Но Дарья даже не повернула головы. Она лежала всё так же, неподвижно, взгляд уставлен в потолок. На секунду она перевела глаза на брата — устало, как будто из-за плотной пелены в душе.

Артём замер. Он немного нахмурился, не сразу поняв, почему его старания не сработали. Он медленно подошёл ближе, поднялся на цыпочки и заглянул в лицо сестре.

— Ты всё плачешь?.. — спросил он тихо, чуть виновато.

Она не ответила, и тогда он, с той непосредственностью, которая доступна только детям, подошёл вплотную, обнял её за плечи своими маленькими руками и прижался щекой к её щеке.

— Не надо плакать, Даш… Я здесь.

Он сжал её крепко, неловко, по-детски, но с таким искренним теплом, что у Даши защипало в груди. Хотелось зарыдать навзрыд, как в детстве, когда мама просто брала её на руки, и всё становилось лучше. Но сейчас она не могла — не позволяла себе.

Артём стоял так ещё мгновение, потом вдруг отстранился и, уже чувствуя какую-то тяжесть, которой не мог объяснить, тихо сказал:

— Ты потом поиграй со мной, ладно?

И, не дождавшись ответа, стремительно выбежал из комнаты, оставив после себя ощущение чего-то тёплого и живого. Только машинка осталась стоять на полу, чуть накренившись в сторону, как будто и она чувствовала, что теперь не до игр.

Дарья снова уставилась в потолок. Внутри — пустота и боль, растянутая, как тонкий лёд под ногами. Мысли медленно, как туманные облака, вновь вернулись к Тимуру.

«Почему он так? Почему не сказал? Не объяснил?.. Просто уехал, исчез, вычеркнул меня, как будто я — это просто глава в книге, которую он закрыл и забыл.»

Её губы дрогнули, пальцы вцепились в край пледа.

«Мы же планировали лето… Говорили про поездку… Смотрели фильмы… Он говорил, что я ему важна… Или это всё было просто удобное 'временно'?..»

Она чувствовала, как злость, боль и тоска переплетаются внутри в тугой комок. Она снова осталась одна наедине с пустым потолком, с невидимыми тенями воспоминаний, в которых Тимур улыбался, а потом исчезал в никуда.

Почти каждый день кто-то из друзей приходил под её окна. Сначала это была Лера. Стояла под подъездом, прижав телефон к уху, глядя вверх на закрытые окна. В её голосе звучала тревога, смешанная с обидой и заботой:

— Даш, ну, пожалуйста… Ну ты ведь там, я знаю. Выгляни. Просто покажись, махни рукой. Я всё прощу. Только скажи, что ты в порядке...

Окна оставались глухо-закрытыми. Шторы — плотно задернуты. Ни одного силуэта, ни отблеска света. Как будто Даша испарилась.

Позже пришли Макс и Илья.

— ДАША! — крикнул Макс, поднимая лицо к её окну. — ВЫЙДИ! Мы всё понимаем! Но ты не можешь так — мы же твои друзья!

Илья поднял руку ко рту, будто мегафон, и добавил:

— Мы с тобой! Мы не предали тебя, слышишь? Это Тимур уехал, а мы — здесь!

Ответа не было. Только глухая тишина, и легкий ветер, раскачивающий листву. Проходящие мимо старушки качали головами, подростки переглядывались с сочувствием.

— Наверное, любовь, — шептал кто-то. — Настоящая.

А в квартире на третьем этаже Даша сидела, прижав колени к груди, уткнувшись в свою старую кофту. Та пахла Тимуром. Тем июнем, теми вечерами, его руками. Без него всё стало бесцветным. Утро перестало быть началом. День — перестал что-то значить. Ночь — только боль и воспоминания.

Она слышала их. Голоса под окнами. Узнавала интонации. И… молчала.

— Не могу, — шептала она. — Не могу жить в этом мире, где его больше нет рядом.

Тимур стал для неё не просто мальчиком — он стал дыханием. Небом. И теперь всё вокруг словно погрузилось в серый фильтр.

«Он обещал, что всегда будет рядом… Он же обнимал, он же целовал… Почему же теперь — тишина?»

И никто не знал, как достучаться до неё. Потому что Даша не просто закрыла дверь — она закрыла сердце.

Так прошли летние каникулы — тихо, будто в замедленном кино, сквозь полупрозрачную вуаль. Для кого-то они были наполнены смехом, поездками, встречами и вечерними посиделками у костра. Макс с Ильёй ездили на великах к озеру, играли в футбол, валялись в траве, обсуждали, куда поступать. Лера подрабатывала в цветочном, пила холодный чай с мятой, флиртовала с продавцом мороженого и каждый вечер писала Даше сообщения. Без ответа.

А у Даши было другое лето. Лето, в котором день сменял день, не принося ни облегчения, ни радости. Она всё так же сидела в своей комнате, окружённая тишиной и запахом бумаги. Иногда она смотрела на старые фотографии в телефоне, на которых они с Тимуром — смеются, держатся за руки, щурятся от солнца. Стирала, потом снова восстанавливала. Сердце сжималось при каждом касании экрана.

Иногда ей казалось, что он вот-вот зайдёт, как раньше. Позвонит, напишет, появится в её жизни снова. Но экран оставался чёрным.

— Почему он не сказал? — шептала она в полумраке. — Почему не попрощался по-настоящему?..

И дни шли. Друзья не забывали, но и не знали, как быть.

Макс как-то сказал Илье:

— Она словно в другом измерении. Мы тут, а она… с ним. Там, в прошлом.

Илья кивнул:

— Надеюсь, осень всё изменит. Новый учебный год, новые впечатления. Мы будем рядом. Главное — не сдаваться.

Лера отправила последнее сообщение перед концом августа:

"Ты не обязана отвечать. Просто знай — ты не одна. Мы тебя любим."

И всё же в какой-то вечер, в конце августа, Даша приоткрыла окно. Впервые за долгие недели. Вдохнула прохладу. Слышала, как кто-то во дворе смеётся, играет на гитаре. И впервые за всё лето в её груди нечто дрогнуло. Едва заметно. Но это было живое чувство.

Она подняла взгляд к звёздам. Тихо прошептала:

— Я скучаю. Но я жива.

И так завершилось её лето — лето боли, тишины… и начала медленного пробуждения.

Глава 6. Точка замерзания

Они сидели рядом, молча, словно весь мир за пределами этой скамейки перестал существовать. Лёгкий вечерний ветер трепал волосы Дарьи, а сердце Тимура стучало с такой силой, что, казалось, оно сейчас выскочит из груди.

— Даш... — начал он, чуть наклонившись к ней. — Я... давно хотел это сказать... ты мне нравишься. Очень.

Дарья опустила глаза, улыбнулась уголками губ. Её щеки покраснели, но в этом румянце не было смущения — только нежность и волнение.

— Я тоже... — прошептала она едва слышно. — С самого начала лета всё как будто поменялось.

Он чуть приблизился, заглянул ей в глаза. Она не отводила взгляд.

— Можно? — спросил Тимур, голосом, в котором дрожала надежда.

Она не ответила словами — просто кивнула.

Их губы встретились в трепетном, осторожном поцелуе, полном тепла и чего-то совсем нового, искреннего. Всё вокруг словно растворилось: шорох листьев, далекие звуки улицы, шум машин — исчезло. Остались только они вдвоём и этот первый, хрупкий миг, в который вложилось так много чувств.

Когда поцелуй закончился, Дарья тихо выдохнула, прижалась к его плечу.

— Мне кажется, я запомню это навсегда, — сказала она с лёгкой улыбкой.

— Я точно запомню, — ответил Тимур и мягко сжал её руку.

После того трепетного момента на скамейке, они не сразу поднялись. Просто сидели, наслаждаясь тишиной, в которой было больше слов, чем в любом разговоре. Потом Тимур встал первым и подал Дарье руку.

— Пошли немного ещё пройдёмся? — спросил он мягко, глядя на неё с нежностью.

— Давай, — кивнула Дарья, её голос звучал чуть дрожащим, но в глазах светилось счастье.

Они шли рядом, порой не говоря ни слова, но каждый шаг был наполнен каким-то новым, особым значением. Мимо проходили люди, проезжали машины, ветер шумел в кронах деревьев, а им казалось, будто весь город стал немного светлее.

Дарья украдкой посмотрела на Тимура. Он улыбался про себя, глядя вперёд, но её взгляд он почувствовал и повернулся.

— О чём думаешь? — спросила она.

— О том, что это самое лучшее лето в моей жизни, — честно ответил он. — И что, может быть… это только начало.

Дарья ничего не сказала. Просто сжала его руку чуть крепче. И этого было достаточно.

Они гуляли неспешно, как будто время специально замедлило свой бег ради них. Деревья отбрасывали длинные тени на тротуары, а теплый ветер ласково трепал волосы Дарьи. Они то смеялись, то погружались в разговоры, которые, казалось, не имели конца.

— Помнишь, как в прошлом году мы с тобой спорили, кто быстрее добежит до остановки? — рассмеялась Дарья, глядя на него с искренним весельем в глазах.

— Ага, и ты тогда меня толкнула, чтобы выиграть, — с улыбкой ответил Тимур. — С тех пор я больше не соревнуюсь с тобой. Опасно!

Дарья хихикнула, покачала головой.

— Ну, извини, я просто не люблю проигрывать.

— А я люблю, когда ты смеёшься, — тихо добавил он, глядя на неё чуть дольше, чем обычно.

Дарья смутилась, опустив глаза, но внутри всё вспыхнуло теплом. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в розово-золотистые оттенки. Когда на улицах начали загораться первые фонари, Тимур посмотрел на часы.

— Уже поздно. Пойдём, я тебя провожу.

— Спасибо, — мягко сказала Дарья, чувствуя, как приятно и безопасно рядом с ним.

Они шли вдоль домов, их шаги звучали ритмично, будто под музыку. У подъезда Дарья остановилась и повернулась к Тимуру.

— Спасибо тебе за этот день. Он был… особенным.

— Для меня тоже, — сказал Тимур, немного сжав её руку. — До завтра?

— До завтра, — кивнула она, задержав взгляд на его глазах ещё на секунду, прежде чем скрыться за дверью подъезда.

Он ещё немного постоял, глядя на закрытую дверь, и улыбнулся сам себе. А потом повернулся и неспешно пошёл прочь — на сердце было легко и светло, как после весеннего дождя.

Утро выдалось ясным и бодрым — небо было чистым, словно вымытым, а воздух пах зеленью и легким ветерком. У школы уже начинали собираться ребята. Слышался смех, щелкали рюкзаки, кто-то перебрасывался шутками. Всё казалось обычным, но для Дарьи утро было особенным. Она не спешила, каждый шаг к воротам школы был полон сладкого предвкушения.

Тимур уже стоял у ворот, прислонившись к ограде. Когда он заметил Дарью, его лицо сразу засветилось улыбкой.

— Привет, — сказал он, выпрямляясь.

— Привет, — Дарья почувствовала, как щеки предательски вспыхнули. Она посмотрела на него и тоже улыбнулась.

— Как спала? — спросил он, будто между ними было уже что-то большее, чем просто дружба.

— Хорошо. Только всё утро вспоминала нашу прогулку, — тихо призналась она.

— Я тоже, — ответил Тимур, и между ними повисло мгновение молчания — лёгкое, но наполненное.

В этот момент к ним подошли Лера, Макс и Илья.

— О, влюблённые тоже пришли! — с улыбкой сказала Лера, слегка толкнув Дарью плечом.

— Прекрати, — засмеялась Дарья, но не спрятала улыбку.

— Как результаты, кто-то уже смотрел? — спросил Илья, сразу переключаясь на школьные темы.

— Скоро скажут, не торопись. Вдруг там всё не так страшно, как мы думали, — отозвался Макс.

— Главное — не результат, а то, как мы это отметим! — сказал Тимур, подмигнув Дарье, и та снова слегка покраснела.

Они смеялись, шутили, и казалось, будто в воздухе витала особая энергия — энергия лета, юности и чего-то очень важного, что только начиналось.

Школьный коридор был наполнен приглушённым гулом голосов и скрипами подошв по линолеуму. У доски объявлений толпились ученики — кто с нетерпением, кто с тревогой, кто с показной бравадой. Дарья сжала пальцы Тимура — не специально, инстинктивно. Тот ответил легким сжатием и наклонился к ней:

— Всё будет хорошо. Даже если нет — вместе прорвёмся, понял?

— Я… просто не хочу выглядеть глупо, — призналась она, не глядя в глаза.

— Ты никогда не выглядишь глупо. Особенно в моих глазах, — сказал он и улыбнулся.

Лера, впереди идущая, уже начала пробираться сквозь толпу.

— Давайте, пока нас не затоптали! — крикнула она, маша рукой.

— А вдруг я завалил? — пробормотал Макс, почесывая затылок. — Придётся в цирк идти работать клоуном.

— Да ну тебя, — отмахнулась Лера. — В цирк тебя не возьмут, у тебя харизмы не хватит!

— Эй! — возмутился Макс, но засмеялся.

Илья шел молча, взгляд его был сосредоточен. Внутри него боролись надежда и сомнение.

Они подошли ближе. Лера подскочила к спискам первая, быстро пробежалась глазами и вскрикнула:

— Есть! У меня четвёрка! Живу!

— Дай я! — Дарья прильнула к бумаге и, выхватывая своё имя, почти не дышала. «Дарья Соколова — 5».

— Пятёрка… — выдохнула она, как будто отпустила груз, что висел на плечах всю весну. — У меня пятёрка.

— Ты гений, — прошептал Тимур ей в ухо и сам наклонился к списку.

— Тимур Грачёв — … тоже пять! — Лера прочитала за него, хитро улыбнувшись. — Ну конечно. Наш гений влюбился в гения. Всё логично.

— Ага, теперь меня точно в цирк не возьмут, — буркнул Макс, — у меня три. Но зато честная!

— У меня четыре, — сказал Илья спокойно, — и тоже не купленная.

— Пойдём праздновать? — предложила Дарья, сжимая свой рюкзак и едва сдерживая улыбку.

— Пошли, — сказал Тимур. — Мы это заслужили.

И все пятеро вышли из школы под солнцем, которое сегодня светило особенно ярко, будто гордилось ими.

Так, день за днём, в череде переживаний и вздохов облегчения, прошли остальные экзамены. Каждый был как отдельное испытание — со своими трудными билетами, напряжённым ожиданием в коридоре, тихими пожеланиями удачи и сжатыми ладонями перед входом в кабинет.

— Удачи! — шептала Дарья Тимуру перед его последним экзаменом, и он, улыбаясь, отвечал:

— С тобой она всегда на моей стороне.

После каждого экзамена они выходили чуть более свободными, чуть более лёгкими. И вот, наконец, пришёл тот день, когда они сдали последний — и внутри всё опустело. Тревога испарилась, как роса на солнце, а вместо неё появилось странное ощущение: как будто впереди — простор, воздух и солнце без границ.

— Всё! Это конец! — закричала Лера, выбегая на улицу и раскидывая руки к небу. — Каникулы, привет!

Макс подхватил её крик и закружил на месте, а Илья впервые за долгое время просто смеялся, легко и беззаботно.

Дарья стояла рядом с Тимуром и смотрела, как лето распахивает им свои двери. Деревья шумели листвой, будто тоже радовались за них.

— Представляешь? Мы свободны. До самой осени, — сказала она, глядя на него.

— Представляю, — ответил он и взял её за руку. — И я хочу провести каждую минуту этого лета с тобой.

Солнце светило ярко. Наступили настоящие каникулы — долгие, тёплые, полные новых дней, в которых не было места ни контрольным, ни тревогам. Только друзья, смех, прогулки, вечерние огоньки фонарей и первая любовь, что расцветала в каждом взгляде и прикосновении.

Как-то в один из тёплых июньских дней, когда воздух напоминал мёд, густой и сладкий, а город лениво дремал в знойном свете, Дарья и Тимур снова пошли гулять. Всё было, как обычно: смех на улицах, аромат липы, редкие прохожие с мороженым в руках… Но внутри у них всё было по-особенному.

Они шли рядом, не спеша, касаясь плечами, будто всё, что происходило вокруг, было просто декорациями для их собственного, тихого спектакля.

— Помнишь, как мы боялись экзаменов? — спросила Даша, улыбаясь и щурясь от солнца.

— Теперь кажется, будто это было в другой жизни, — кивнул Тимур. — А ведь прошло всего пару недель.

Она засмеялась — звонко, по-настоящему.

— Странно, да? Столько времени всё крутилось вокруг школы, оценок… А теперь — ни расписания, ни звонков. Только мы и лето.

— И планы, — добавил он. — Большие, невероятные. Мы ведь договорились — на речку, потом в поход с ребятами… и обязательно кино под открытым небом.

— И на крышу с пледом! — вставила она с азартом. — Я мечтаю встретить рассвет вместе.

Они переглянулись, и в этом взгляде было всё — доверие, робкая нежность и что-то ещё, пока не сказанное вслух.

— Мне кажется, это лето мы будем вспоминать всегда, — сказала Дарья тихо.

— Я уже знаю, что буду, — ответил он и чуть крепче сжал её ладонь.

А день между тем продолжался — лёгкий, солнечный, будто подаренный им специально. И небо над ними было ясным, как начало самой красивой истории.

Когда солнце уже клонилось к закату, заливая улицы мягким золотом, они свернули в знакомый двор. Шли молча, не потому что не о чем говорить — просто не хотелось разрушать ту тонкую тишину, что образовалась между ними. Тишину, полную смысла, взгляда, тепла и обещаний.

У подъезда Дарья остановилась и повернулась к Тимуру. В её глазах отражались последние отблески дня и лёгкая грусть — от того, что прогулка подошла к концу.

— Спасибо за вечер, — тихо сказала она.

— Спасибо тебе, — улыбнулся Тимур, немного смущённо, будто внутри у него всё дрожало от волнения.

Он шагнул ближе, наклонился, и их губы встретились в коротком, нежном поцелуе — трепетном, как дыхание лета, как первое прикосновение к чему-то новому, важному. Дарья едва заметно улыбнулась, отступив на шаг к двери.

— Спокойной ночи, — прошептала она.

— До завтра, — ответил он и не спеша пошёл прочь, оборачиваясь ещё пару раз, пока не скрылся за углом.

А она всё стояла на ступеньках, прижимая ладони к губам и не в силах сдержать улыбку. Мир вокруг был прежним, но внутри всё изменилось. Навсегда.

Дарья застыла посреди лестничной площадки. Телефон соскользнул в карман, но она всё ещё ощущала в ладони его вес — как будто от него продолжали звучать слова Леры, эхом отдаваясь внутри: «уезжает», «Германия», «не говорил...»

Она не спешила подниматься, оперлась о холодную перила, пытаясь осознать услышанное. Сердце колотилось, в груди будто что-то упало. Только что он её поцеловал. Только что стоял здесь, такой близкий, тёплый, родной. А теперь — как? Уже всё?

— Почему он мне не сказал? — прошептала она, и в голосе её дрожало не столько разочарование, сколько боль.

Знал ли он, что всё разрушит этим молчанием? Или боялся? Или думал, что так будет легче? В голове закрутились догадки, обиды, мысли одна тяжелее другой. Она поднялась по лестнице словно на автомате — ноги сами несли, а в голове гудел невыносимый шум. Никаких слёз, только пустота.

Оказавшись в квартире, Дарья закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и села прямо на пол. В груди — ком. В горле — горечь. В голове — только одно:

«Почему ты мне не сказал?»

Утро выдалось непривычно тихим. Солнце, как всегда, заглядывало в комнату Дарьи сквозь тонкие шторы, рисуя на стенах блики, но она не обратила на них внимания. Она лежала на спине, уставившись в потолок, с телефоном в руке — пустой экран молчал. Ни звонка, ни сообщения.

«Он так и не написал…» — пронеслось у неё в голове, и стало как-то особенно пусто.

Когда она подошла к окну, то увидела, как из соседнего двора выехала машина. Серебристый минивэн, аккуратно загруженный чемоданами. Тимур стоял рядом с дверцей, обнял на прощание мать, пожал руку отцу. Его лицо было напряжённым, взгляд — сосредоточенным. Он оглянулся, словно что-то искал. Или кого-то.

Дарья замерла за занавеской. Она не знала — хочет ли, чтобы он её увидел, или наоборот, пряталась от этого взгляда. Грудь сжалась — всё было по-настоящему. Это не просто разговоры. Он действительно уезжает. Сегодня. Сейчас.

Она не пошла вниз. Просто стояла, не в силах пошевелиться, как будто шаг — даже один — может сорвать всё, выбросить наружу чувства, которые она так старательно прятала со вчерашнего дня. Боль, непонимание, обида. А вместе с ними — то странное нежное тепло, которое она ощущала рядом с ним.

Машина тронулась. Она следила, как она выезжает со двора, пока не скрылась за углом.

— Пока, — прошептала она, прижав ладонь к стеклу. — Почему ты не смог сказать это первым?

И на глаза, наконец, выступили слёзы. Не рыдания, не истерика — просто тихие, щемящие капли, капающие по щекам, как дождь, когда уже всё прошло.

С того утра, как Тимур уехал, что-то в ней словно оборвалось. Мир стал плоским, обесцвеченным, как старая фотография. Даша сидела у окна, глядя на мокрый асфальт, по которому медленно текли капли дождя. Внутри у неё было такое же: сыро, пусто, тихо.

Она почти не выходила из комнаты. Задёрнутые шторы, выключенный телефон, и плед, в который она куталась, как в броню. Родители сначала не понимали — пытались звать на прогулки, включали её любимую музыку на кухне, готовили её любимые сырники. Но Даша отвечала только тишиной.

Иногда она прокручивала в голове всё снова: как он смотрел на неё, как смущённо улыбался, как обнимал и говорил: «Ты такая настоящая, не хочу, чтобы это заканчивалось». И не говорил, что уезжает. Почему? Почему молчал? Не доверял? Не хотел прощания?

Слёзы накатывали внезапно, как весенние ливни. В один из таких моментов она сжала подушку и прошептала:

— Ты обещал быть рядом… А я поверила.

Прошло три дня. Лера стучалась в дверь, писала сообщения, оставляла у порога её любимый лимонад и записки с глупыми шуточками. Но Даша не открывала. Она боялась, что если хоть чуть-чуть приоткроет дверь, то все эти чувства хлынут наружу, и она уже не сможет собрать себя обратно.

Но сердце, как бы сильно ни болело, не может плакать вечно.

Прошла неделя. За окном снова светило солнце, но в комнате Даши всё оставалось по-прежнему тускло и тихо. Телефон на тумбочке мигал непрочитанными сообщениями. Он вибрировал по несколько раз в день — друзья не сдавались.

Лера звонила первой.

— Ну, возьми же… — почти прошептала она, сидя на подоконнике у себя дома, глядя на экран с фотографией улыбающейся Даши. — Ты не одна, слышишь? Ты же знаешь, как мы тебя любим…

Гудки. Один за другим. Потом — глухая тишина.

Макс писал в чат:

«Даш, мы волнуемся. Может, просто напишешь, что с тобой всё в порядке? Хоть точку. Хоть смайл.»

Илья прислал фото: весёлое, с того самого дня, когда они всей компанией были у реки. Даша там — смеётся, в платье с жёлтыми подсолнухами.

«Помнишь? А мы помним. И ждём тебя обратно. Не молчи…»

Но экран оставался чёрным.

Даша лежала, уставившись в потолок. Она слышала, как телефон снова завибрировал. И снова. И снова.

— Простите… — шептала она почти беззвучно. — Я просто… не могу. Сейчас — не могу.

Сердце ныло, как после бега. Как будто в груди крутился тугой узел. Иногда ей казалось, что если она просто откроет мессенджер — всё рухнет: слёзы польются ручьём, и тогда ей придётся признать — Тимур уехал. Без слов. Без обещаний.

«Почему ты не сказал мне…» — стучало в висках. — «Почему ты не дал мне проститься?»

Слёзы скатились по щеке, и она не вытерла их. Просто смотрела в потолок и слушала, как звонок Леры снова обрывается.

Дверь тихо скрипнула, как будто извиняясь за вторжение, и медленно отворилась. В комнату шагнул отец — высокий, чуть сутулый, с усталым, но добрым лицом. Он посмотрел на дочку, сжав губы, будто подбирая слова, и осторожно подошёл к кровати. Даша лежала, свернувшись калачиком под пледом, лицом к стене. Её плечи слабо вздрагивали от сдерживаемых рыданий.

Он сел на край кровати так бережно, будто боялся потревожить хрупкий покой.

— Дашенька, — негромко произнёс он, — не стоит из-за него убиваться.

Пауза. Он провёл рукой по её волосам, гладя их, как в детстве, когда она боялась грозы.

— Лучше выйди, прогуляйся. С друзьями пообщайся. Ты ведь у меня сильная.

Она не ответила. Лишь глубже зарылась в подушку, пытаясь спрятаться от слов, от мира, от боли, разъедающей изнутри.

«Сильная? Зачем мне быть сильной, если он ушёл? Если его больше нет рядом? Он обещал, что будет всегда...» — с болью пронеслось у неё в голове. Её губы дрогнули, слёзы снова заструились по щекам. Мир казался пустым и бессмысленным.

Она чувствовала, как папа ещё несколько секунд сидел рядом, ожидая, надеясь на ответ, хоть на взгляд. Но Даша не обернулась. Сердце сжалось от чувства вины, но душа будто обросла тяжёлым камнем.

Он встал так же тихо, как и вошёл, стараясь не хлопнуть дверью. Лёгкий запах его одеколона остался в воздухе, словно напоминание о заботе и любви. Когда щелкнул замок, и дверь вновь закрылась, Даша сжала подушку и тихо прошептала:

— Пап, прости... Я просто пока не могу...

И снова в комнате осталась лишь тишина и мерное тиканье настенных часов, отсчитывающие долгие минуты её одиночества.

Через некоторое время дверь снова едва слышно скрипнула. В комнату заглянула мама. Тёплый свет из коридора на миг разрезал полумрак, в котором Даша продолжала лежать, не шелохнувшись. Мама шагнула внутрь и закрыла за собой дверь, приглушив всё, кроме приглушённого звона посуды с кухни.

Она подошла медленно, осторожно, как будто боялась напугать свою девочку. Присела на край кровати и не сказала ни слова. Просто аккуратно провела рукой по голове дочери — нежно, ласково, как в далёком детстве, когда Даша прибегала к ней с разбитыми коленками и слезами. Тот же тихий, успокаивающий жест, полный любви и терпения.

— Доченька… — наконец прошептала мама, — ты должна поесть хоть немного. Я приготовила твоё любимое… картошку с хрустящей корочкой и огурчики. Помнишь, как ты всегда просила их отдельно подать?

Даша слабо вздохнула, но не повернулась. Внутри всё было тяжёлым как свинец. Аппетит исчез ещё утром, когда пришла та злая, разрывающая новость. Еда казалась чем-то далёким и ненужным.

«Зачем есть, если всё будто остановилось?.. Даже еда не имеет вкуса, когда в груди только пустота.» — думала она, беззвучно глядя в стену.

Мама наклонилась, поцеловала её в висок, и её губы дрогнули от тревоги. В глазах — беспомощная грусть. Она знала, как тяжело сейчас её дочери, и от этого собственная душа тоже болела.

— Я оставлю на столе. Подогрею, когда захочешь… Хорошо, родная?

С этими словами она встала, задержалась на мгновение у двери, словно надеясь, что Даша позовёт, скажет хоть слово. Но в комнате снова повисла тишина. Дверь тихо закрылась.

Дарья закрыла глаза. Одинокая слеза скатилась по щеке. Она слышала, как на кухне звякнула ложка, как мама что-то тихо сказала отцу… И от этого её сердце сжалось. Она не хотела их расстраивать. Но пока просто не могла встать.

«Простите… Я обязательно встану. Только чуть позже… Только дайте мне ещё немного времени.»

Через некоторое время дверь снова приоткрылась — уже порезче, без осторожности взрослых, с детской решимостью. В комнату вбежал младший брат Артём, держа в руках ярко-красную машинку с большими колёсами. Он был в пижаме, босиком, с растрёпанными волосами и восторженной улыбкой на лице.

— Смотри, Даш! — радостно воскликнул он, подбегая к её кровати. — Это мне папа купил! Она ездит и вот так переворачивается! Смотри, как круто!

Он с размаху поставил машинку на пол и с воодушевлением запустил её. Машинка со звуком проехала по ковру, столкнулась с ножкой стула и перевернулась, как и было задумано. Артём засмеялся, весело посмотрел на сестру, ожидая, что она тоже улыбнётся или хотя бы посмотрит.

Но Дарья даже не повернула головы. Она лежала всё так же, неподвижно, взгляд уставлен в потолок. На секунду она перевела глаза на брата — устало, как будто из-за плотной пелены в душе.

Артём замер. Он немного нахмурился, не сразу поняв, почему его старания не сработали. Он медленно подошёл ближе, поднялся на цыпочки и заглянул в лицо сестре.

— Ты всё плачешь?.. — спросил он тихо, чуть виновато.

Она не ответила, и тогда он, с той непосредственностью, которая доступна только детям, подошёл вплотную, обнял её за плечи своими маленькими руками и прижался щекой к её щеке.

— Не надо плакать, Даш… Я здесь.

Он сжал её крепко, неловко, по-детски, но с таким искренним теплом, что у Даши защипало в груди. Хотелось зарыдать навзрыд, как в детстве, когда мама просто брала её на руки, и всё становилось лучше. Но сейчас она не могла — не позволяла себе.

Артём стоял так ещё мгновение, потом вдруг отстранился и, уже чувствуя какую-то тяжесть, которой не мог объяснить, тихо сказал:

— Ты потом поиграй со мной, ладно?

И, не дождавшись ответа, стремительно выбежал из комнаты, оставив после себя ощущение чего-то тёплого и живого. Только машинка осталась стоять на полу, чуть накренившись в сторону, как будто и она чувствовала, что теперь не до игр.

Дарья снова уставилась в потолок. Внутри — пустота и боль, растянутая, как тонкий лёд под ногами. Мысли медленно, как туманные облака, вновь вернулись к Тимуру.

«Почему он так? Почему не сказал? Не объяснил?.. Просто уехал, исчез, вычеркнул меня, как будто я — это просто глава в книге, которую он закрыл и забыл.»

Её губы дрогнули, пальцы вцепились в край пледа.

«Мы же планировали лето… Говорили про поездку… Смотрели фильмы… Он говорил, что я ему важна… Или это всё было просто удобное 'временно'?..»

Она чувствовала, как злость, боль и тоска переплетаются внутри в тугой комок. Она снова осталась одна наедине с пустым потолком, с невидимыми тенями воспоминаний, в которых Тимур улыбался, а потом исчезал в никуда.

Почти каждый день кто-то из друзей приходил под её окна. Сначала это была Лера. Стояла под подъездом, прижав телефон к уху, глядя вверх на закрытые окна. В её голосе звучала тревога, смешанная с обидой и заботой:

— Даш, ну, пожалуйста… Ну ты ведь там, я знаю. Выгляни. Просто покажись, махни рукой. Я всё прощу. Только скажи, что ты в порядке...

Окна оставались глухо-закрытыми. Шторы — плотно задернуты. Ни одного силуэта, ни отблеска света. Как будто Даша испарилась.

Позже пришли Макс и Илья.

— ДАША! — крикнул Макс, поднимая лицо к её окну. — ВЫЙДИ! Мы всё понимаем! Но ты не можешь так — мы же твои друзья!

Илья поднял руку ко рту, будто мегафон, и добавил:

— Мы с тобой! Мы не предали тебя, слышишь? Это Тимур уехал, а мы — здесь!

Ответа не было. Только глухая тишина, и легкий ветер, раскачивающий листву. Проходящие мимо старушки качали головами, подростки переглядывались с сочувствием.

— Наверное, любовь, — шептал кто-то. — Настоящая.

А в квартире на третьем этаже Даша сидела, прижав колени к груди, уткнувшись в свою старую кофту. Та пахла Тимуром. Тем июнем, теми вечерами, его руками. Без него всё стало бесцветным. Утро перестало быть началом. День — перестал что-то значить. Ночь — только боль и воспоминания.

Она слышала их. Голоса под окнами. Узнавала интонации. И… молчала.

— Не могу, — шептала она. — Не могу жить в этом мире, где его больше нет рядом.

Тимур стал для неё не просто мальчиком — он стал дыханием. Небом. И теперь всё вокруг словно погрузилось в серый фильтр.

«Он обещал, что всегда будет рядом… Он же обнимал, он же целовал… Почему же теперь — тишина?»

И никто не знал, как достучаться до неё. Потому что Даша не просто закрыла дверь — она закрыла сердце.

Так прошли летние каникулы — тихо, будто в замедленном кино, сквозь полупрозрачную вуаль. Для кого-то они были наполнены смехом, поездками, встречами и вечерними посиделками у костра. Макс с Ильёй ездили на великах к озеру, играли в футбол, валялись в траве, обсуждали, куда поступать. Лера подрабатывала в цветочном, пила холодный чай с мятой, флиртовала с продавцом мороженого и каждый вечер писала Даше сообщения. Без ответа.

А у Даши было другое лето. Лето, в котором день сменял день, не принося ни облегчения, ни радости. Она всё так же сидела в своей комнате, окружённая тишиной и запахом бумаги. Иногда она смотрела на старые фотографии в телефоне, на которых они с Тимуром — смеются, держатся за руки, щурятся от солнца. Стирала, потом снова восстанавливала. Сердце сжималось при каждом касании экрана.

Иногда ей казалось, что он вот-вот зайдёт, как раньше. Позвонит, напишет, появится в её жизни снова. Но экран оставался чёрным.

— Почему он не сказал? — шептала она в полумраке. — Почему не попрощался по-настоящему?..

И дни шли. Друзья не забывали, но и не знали, как быть.

Макс как-то сказал Илье:

— Она словно в другом измерении. Мы тут, а она… с ним. Там, в прошлом.

Илья кивнул:

— Надеюсь, осень всё изменит. Новый учебный год, новые впечатления. Мы будем рядом. Главное — не сдаваться.

Лера отправила последнее сообщение перед концом августа:

"Ты не обязана отвечать. Просто знай — ты не одна. Мы тебя любим."

И всё же в какой-то вечер, в конце августа, Даша приоткрыла окно. Впервые за долгие недели. Вдохнула прохладу. Слышала, как кто-то во дворе смеётся, играет на гитаре. И впервые за всё лето в её груди нечто дрогнуло. Едва заметно. Но это было живое чувство.

Она подняла взгляд к звёздам. Тихо прошептала:

— Я скучаю. Но я жива.

И так завершилось её лето — лето боли, тишины… и начала медленного пробуждения.

. Коридоры памяти

Наступило 1 сентября.

Утро было прохладным и чистым, с лёгким ароматом опавших листьев и свежести. Солнечные лучи пробивались сквозь кроны деревьев, золотя асфальт, на котором уже звучали шаги — несмелые, в новых туфлях, и уверенные — тех, кто возвращался в школу с привычным чувством. Воздух дрожал от ожидания — будто сам город знал: сегодня что-то начнётся сначала.

Даша стояла у зеркала в своей комнате, держа в руках расчёску и смотря на своё отражение. Глаза всё ещё были немного грустными, но уже не такими пустыми, как в середине лета. Она долго выбирала, что надеть, и в итоге остановилась на светлом свитере и любимых джинсах — просто, но уютно. Не для кого-то. Для себя.

— Надо идти, — прошептала она, словно толкая себя изнутри. — Я должна.

Во дворе школы уже собирались ребята. Смех, перекрики, цветы в руках, щелчки камер. У кого-то — первый звонок, у кого-то — последний год. Макс жевал жвачку и рассказывал

Илье, как чуть не забыл, в каком классе они теперь. Лера вертелась, глядя по сторонам, в надежде увидеть её.

— Дашка придёт? — спросил Илья вполголоса.

— Если не придёт — пойдём за ней, — твёрдо сказала Лера. — Но я верю, что она появится.

И в тот момент за воротами показалась она. Шла неуверенно, с чуть опущенными плечами, но шла. Словно пробиралась сквозь завесу воспоминаний, боли, тишины — обратно к жизни.

Лера бросилась к ней первой.

— Дашка! — голос дрогнул, глаза засверкали. — Я знала! Знала, что ты придёшь!

— Привет, — выдохнула Даша, и уголки губ дрогнули в слабой, но настоящей улыбке.

— Ты красавица, — сказал Макс, подмигнув, — хоть и без Тимура. Но, поверь, и с нами не соскучишься.

Даша кивнула, почувствовав, как внутри что-то мягко, осторожно растапливается. Лёд начал уходить.

— Как ты? — тихо спросил Илья.

— Не знаю, — честно ответила она. — Но я хочу снова быть с вами. Просто… быть.

— Этого достаточно, — сказала Лера и крепко обняла подругу.

Зазвенел первый звонок. Гул голосов, шагов, движения. Учителя встречали учеников, снова и снова говорили «с началом учебного года». А для Даши это был не просто новый учебный год. Это было новое начало. Первый шаг в осень, в себя, в новую страницу жизни. И хоть сердце всё ещё болело, в нём впервые за долгое время появилась тёплая искра. Надежда.

Школьный двор шумел и переливался цветами — банты, букеты, яркие ранцы. Сентябрьское солнце едва пригревало, но небо было ясным, почти праздничным. Все классы выстроились на свои привычные места. Даша стояла в ряду своего класса, держа руки в карманах, будто пряталась от этого шумного мира. Волосы аккуратно убраны в хвост, на лице ни улыбки, ни грусти — просто ровное, застывшее выражение. Её глаза блуждали по толпе, но не искали — они ждали. Может, надеялись. Хоть и знали, что его нет.

– Как ты? – шепнула сзади Лера, аккуратно дотронувшись до локтя подруги.

– Нормально, – тихо ответила Даша, не глядя.

– Ты выглядишь... ну, лучше, чем в августе, – осторожно продолжила Лера.

– Просто научилась молчать громче.

Макс и Илья переглянулись, стоя рядом. Они уже знали, что не стоит лишний раз спрашивать. Макс хотел что-то сказать, но замялся, сжал губы и просто кивнул ей, когда их взгляды встретились. Илья глянул на небо:

– Лето кончилось... – пробормотал он.

– Слишком быстро, – вздохнула Лера.

Где-то впереди заиграла торжественная музыка. Над школьным двором повисла тишина. В микрофоне скрипнул включённый динамик, и через мгновение заиграл гимн. Первые торжественные ноты прорезали воздух, и будто по волшебной команде все выпрямились. Спины

распрямились, головы поднялись, взгляды устремились вверх, туда, где на флагштоке лениво трепетал национальный флаг.

Дарья подняла голову вслед за остальными, и музыка будто хлынула прямо в грудь. В горле слегка защипало. Она вспоминала, как они с Тимуром стояли на этом месте в прошлом году, он чуть наклонялся к ней и шептал что-то смешное про парадную линейку, от чего она едва сдерживала улыбку. Сейчас рядом была Лера, но воздух казался пустым.

«Он сейчас, наверное, в другом городе. Может, даже в другой стране. Слушает свой гимн. Думает ли он обо мне?..»

Слёзы подступили к глазам, но Даша моргнула резко, прогоняя их. Лицо оставалось спокойным, даже чуть напряжённым. Словно броня. Лера стояла рядом, глядя вперёд, и, почувствовав движение рядом, едва заметно накрыла руку Даши своей ладонью. Молча, но с теплом. Даша вздохнула, слегка кивнула, не глядя, и сжала её руку в ответ.

Когда последняя торжественная нота растаяла в воздухе, ведущий церемонии вышел на импровизированную сцену.

— Дорогие ученики, уважаемые родители и коллеги, — его голос был тёплым, уверенным, — от всей души поздравляю вас с началом нового учебного года! Сегодня — особенный день. Для кого-то это первый шаг в удивительный мир знаний, а для кого-то — последний учебный год в школе. Впереди экзамены, выбор пути, взрослые решения. Но не торопитесь. Учебный год — это не только задачи и оценки. Это встречи, дружба, мечты, волнение, первая любовь, вдохновение…

Слова легли на плечи старшеклассников. Даша слушала, уставившись в одну точку, но каждое слово будто отзывалось в ней тихим эхом. Тимур… он ушёл, но ведь всё это началось здесь. Их история — тоже часть школьных дней.

— … Пусть этот год принесёт вам не только знания, но и радость открытий. Смело идите вперёд, верьте в себя, поддерживайте друг друга. У вас всё получится!

Раздались аплодисменты. Лера обернулась к Даше:

— Слушай, он хорошо сказал. Про любовь и всё такое... — она многозначительно посмотрела на подругу.

Даша улыбнулась еле заметно и опустила взгляд.

— Да, он прав. Только иногда всё это заканчивается раньше, чем хочется.

Лера хотела что-то сказать, но учителя уже стали направлять классы к школам, и волна движения вновь подхватила учеников.

Они подошли к школе, возвышающейся перед ними знакомым силуэтом. Возле ворот уже кипела жизнь. Толпа учеников, учителей и родителей заполнила всю площадь перед зданием. Даша, Лера, Илья и Макс остановились чуть в стороне.

— Вспомните, как мы такими были, — с мягкой улыбкой произнёс Илья.

— Я с ранцем раза в два больше себя, — хмыкнул Макс.

— А ты с бантом на полголовы, — Лера толкнула Дашу в бок, подмигнув.

Дарья слабо улыбнулась. Сегодня всё ощущалось одновременно и близким, и очень далёким. Как будто смотрела на это сквозь стекло. Внутри неё по-прежнему стояла пустота. Тимура рядом не было. Но школа оставалась. Друзья оставались. И внутри неё теплилось крохотное упрямое пламя — жить дальше, дышать, идти вперёд. Пусть и с болью.

— Пошли? — тихо спросила Лера.
Дарья кивнула.
— Пошли.

И вместе они вошли внутрь — навстречу новому сентябрю.

Они перешагнули порог школы, и сразу навстречу пахнуло чем-то до боли знакомым — смесью свежевымытого пола, мела и старых учебников. Эхо шагов, гомон голосов и скрипов открывающихся шкафчиков разливалось по коридорам.

— Всё такое же. Как будто лето пролетело за один день, — сказала Лера, оглядываясь вокруг.
— А ведь для кого-то это последняя школьная осень, — тихо заметил Илья, идя рядом.
— Не говори так. Сейчас раскисну, — сдавленно рассмеялась Валерия и тут же быстро моргнула.

Макс, как всегда, шагал сзади, подтягивая рюкзак на плечо.
— Привет, Валентина Степановна! — крикнул он вахтёрше.
— И вам не хворать! Подросли-то как, почти выпускники! — улыбнулась она с искренним теплом.

А Даша шла молча. Внутри всё будто заглушалось — голоса, смех, шаги. Только глухое биение собственного сердца и пустота рядом. Раньше в этот момент он всегда был с ней. Рядом. Иногда дразнил, иногда приобнимал за плечи, иногда просто смотрел с искоркой в глазах. А теперь — только воспоминание.

— Всё хорошо? — Лера мягко дотронулась до её руки.
Дарья кивнула.
— Привыкаю. Просто… странно. Без него.

Они прошли мимо длинных рядов шкафчиков. Кто-то фотографировался, кто-то оживлённо делился впечатлениями о лете. Девчонки в форме перешёптывались, мальчишки смеялись.

— Это ведь наш последний год, — вдруг произнёс Илья.
— Не пугай меня, — буркнул Макс. — Только не сегодня.
— Сегодня особенно, — Лера улыбнулась. — Сегодня мы возвращаемся.

А Даша всё смотрела вперёд, вглубь коридора, где впереди — знакомый класс с деревянными партами, доской и тем самым окном, у которого она всегда сидела. Мир изменился. Но школа стояла. И вместе с ней — шанс снова почувствовать себя собой.

Они подошли к знакомой двери. Табличка с номером кабинета немного перекосилась. Макс, не удержавшись, поправил её пальцем и усмехнулся:

— Всё по-старому. Даже дверь скрипит так же.

Лера первой потянула ручку, и тяжёлая дверь нехотя отворилась. Ребята вошли в класс — и как будто вернулись во времени. Парты стояли в тех же рядах, у окна — её привычное место. Таблица умножения на стене, глобус на шкафу, чуть пожелтевший от времени портрет Ломоносова над доской. Всё до боли знакомо.

— Как будто не было лета, — пробормотал Илья, проходя к своей парте. Он сел, откинулся на спинку стула и с улыбкой провёл пальцами по тёплому дереву.

Лера опустилась за свою парту и с облегчением вздохнула.

— Знаете, я скучала. По этому свету из окна. По запаху доски. Даже по скрипу маркера.

Макс прошёл мимо и остановился рядом с Дашей.

— Ты к своему окну сядешь? Или хочешь рядом?

Она улыбнулась слабо.

— К окну. Привычка.

Она медленно опустилась на стул, провела рукой по поверхности парты, как будто стараясь нащупать отпечатки прошлого. Солнце пробивалось сквозь пыльные жалюзи и ложилось золотыми полосами на её лицо.

— Он бы сейчас что-нибудь съязвил, — прошептала она, почти себе. — Типа: "Опять ты выбрала лучшее место, а мне останется под лампой".

— Он бы, — тихо согласилась Лера, и между ними на миг повисло молчание, полное тепла и грусти.

В класс начали заходить другие ребята. И вдруг дверь распахнулась, и на пороге появилась классная руководительница — Елена Сергеевна. Всё такая же строгая, но с тёплой улыбкой и живыми глазами.

— Ну что, мои родные, — сказала она, и голос её разлился по классу, — снова вместе. Последний год. Сделаем его особенным?

Ребята зааплодировали. Даша, подняв взгляд, чуть улыбнулась — в уголках её глаз на мгновение блеснули слёзы. Год начинался. И впереди было ещё много всего.

Один за другим ученики начали занимать свои места. В классе царила лёгкая суета. Воздух был наполнен запахом новых тетрадей, мелованной бумаги и чуть уловимого школьного воска.

Макс первым плюхнулся за свою парту у стены.

— Ну что, народ, кто будет первым зевать на алгебре? — пошутил он.

— Конечно ты, — хмыкнул Илья, усаживаясь рядом. — Ещё и храпеть начнёшь.

— Это стратегическая защита от скуки, — важно произнёс Макс, подмигнув.

Лера прошла мимо их ряда. Её глаза задержались на пустой парте рядом с Дашей. Она колебалась. Но потом села позади подруги, чуть кивнув самой себе — как будто напоминая, что жизнь продолжается.

А Даша медленно села у окна, склонившись над партой. Руки лежали на коленях, взгляд устремлён наружу — куда-то в яркое сентябрьское утро.

«Ему сейчас, наверное, тоже надо садиться в класс… Только в другом городе. В другой стране. С другими людьми», — думала она, чувствуя, как что-то колючее подступает к горлу. Но она сделала глубокий вдох и заставила себя моргнуть.

Класс постепенно затихал. Наступала новая , и каждый внутри ощущал это по-своему.

Раздался скрип двери, и класс замер. Все головы повернулись в сторону входа.
В класс вошла Елена Сергеевна. За её спиной стоял юноша. Незнакомый. Новый.

Высокий, с тёмными волосами, в аккуратной белой рубашке, с рюкзаком на одном плече. Он выглядел немного напряжённым, но держался уверенно. Его взгляд скользнул по классу — быстрый, изучающий.

— Ребята, — сказала Елена Сергеевна, — у нас новенький. Зовут его Матвей. Он будет учиться с вами в этом году. Надеюсь, вы встретите его по-доброму.

Юноша слегка кивнул, сдержанно, но вежливо.
— Привет, — тихо сказал он. Голос был низкий, спокойный.
— Проходи, — Елена Сергеевна кивнула ему, — выбери свободное место.

Класс оживился. Послышался шёпот.
— Интересно, откуда он, — прошептала Лера, склонившись к Даше.

Но Дарья молчала, сжимая край стола пальцами. Что-то кольнуло внутри. Не ожидание. Не тревога. Просто лёгкая, непонятная дрожь — как от первого осеннего ветра после тёплого лета.

Матвей прошёл между рядами. Проходя мимо Макса и Ильи, он кивнул им. Те ответили сдержанно. Потом его взгляд случайно встретился с глазами Даши. Мгновение — и всё. Он опустил глаза и сел за парту на последнем ряду, у окна.

— Надеюсь, ты быстро освоишься, — сказала Елена Сергеевна и начала перекличку.

А в голове у Даши звучало, глухо и назойливо:
«А он симпатичный! Нет, нельзя, после Тимура, я никому больше не поверю и не открою свое сердце».

— Думаю, я быстро освоюсь, — сказал Матвей, легко улыбнувшись. Его голос прозвучал уверенно, но в нём чувствовалась лёгкая нотка волнения. Улыбка у него была искренняя, открытая. Тёплая.

Класс на секунду замер. Кто-то из девочек хихикнул.
— Симпатичный, — прошептала Лера, наклонившись к Даше.

Дарья не ответила. Она всё ещё смотрела на новенького, теперь уже не как на просто нового ученика, а как на… кого-то, кто неожиданно нарушил её тишину. Её внутреннее одиночество, ставшее привычным за эти месяцы. Было странное чувство, будто в открытое окно вдруг ворвался свежий ветер — и всё, что давно стояло на месте, дрогнуло.

— Вот и хорошо, — кивнула Елена Сергеевна. — Ребята, помогите Матвею освоиться, покажите всё, расскажите. Надеюсь, у нас будет дружный класс.

Она продолжила перекличку, а Матвей сидел за последней партой у окна и, открыв рюкзак, стал доставать аккуратно сложенную тетрадь. Он двигался размеренно, уверенно. Словно знал, что все на него смотрят, но не придавал этому слишком большого значения.

— Хочешь, потом я тебе покажу, где столовая? — громко шепнула Валерия.
Матвей поднял глаза, удивлённо посмотрел на неё и чуть улыбнулся.
— Буду благодарен, — коротко ответил он.

И снова глаза встретились. Но уже не с Лерой. А с Дашей. Она сидела ближе к доске, но развернулась, будто случайно. Их взгляды снова пересеклись. И в этой новой тишине, наполненной только голосом учительницы, что-то едва уловимое промелькнуло между ними. Может быть — только едва заметный поворот судьбы.

Елена Сергеевна встала у доски.
— Дорогие мои, — сказала она. — Поздравляю вас с началом нового учебного года. В этом году нам предстоит многое: и работа серьёзная, и, надеюсь, радости будет не меньше. Надеюсь, вы хорошо отдохнули летом?
— Кто-то... — раздалось с задней парты — это шутил Илья.
— Кто-то отдыхал, а кто-то, возможно, влюблялся, — заметила Валерия, и девчонки прыснули со своих мест.

Елена Сергеевна сделала вид, что не услышала.
— Уроков сегодня не будет. Сегодня — только организационный день, — продолжила она. — А вот расписание на завтра вам сейчас напишу.

Мел заскрипел по доске.
— Русский язык, алгебра, история, литература и биология, — проговорила она.

В классе зашуршали рюкзаки. Даша долго смотрела на расписание, прежде чем начать писать. Как будто каждая строчка на доске приближала её к чему-то новому — и одновременно отдаляла от прошлого. От Тимура. Она записывала старательно, но в глазах стояла невидимая печаль.

— Кто запомнил, тот молодец. Кто не записал — не обижайтесь завтра, — подытожила Елена Сергеевна. — А теперь можете быть свободны.

В классе прошел лёгкий выдох.
— Ура, — раздалось с разных концов.
— Первый день — и сразу на волю, — пошутил кто-то.

Дарья сложила свои вещи и медленно убрала их в рюкзак. А потом подняла взгляд — и снова встретилась глазами с новеньким, Матвеем. Он смотрел на неё открыто, неотрывно. Будто хотел что-то сказать, но пока не знал, как. И в этом взгляде Даша почувствовала: возможно, впереди её ждёт что-то, что ещё рано называть, но уже невозможно не чувствовать.

Даша смотрела в окно, не замечая ни двора, ни детей с рюкзаками. Внутри всё сжалось. Её ладони были сцеплены на коленях так крепко, что костяшки побелели.

«Нет. Только не снова. Я не смогу ещё раз через это пройти…» — её мысли звучали внутри глухо и тяжело.

После Тимура в сердце осталось нечто острое и холодное. Она научилась ходить с этой болью, как с занозой под кожей — незаметной для других, но не отпускающей ни на минуту. Матвей… он был другим. Он смотрел на неё не так как Тимур. Чуть осторожнее. С любопытством, но без нажима. С теплом, но не с обещанием. И всё равно это пугало.

— Лучше без этого, — прошептала она себе. — Лучше без любви. Без ожиданий. Без того, что в какой-то момент рушится как карточный домик.

Она встала с подоконника и закрыла окно. Холодок осени проникал внутрь, и она не знала, это ли дуновение ветра или её собственный страх.

«Если я впущу кого-то ещё — мне снова будет больно. Не хочу. Не сейчас. Не снова.»

Слёзы подступили к глазам, но она сжала челюсть, моргнула и заставила себя дышать ровно. Сердце, где-то глубоко внутри, всё ещё трепетало. Но она обернула его тишиной.

Класс постепенно опустел. За окнами звенел школьный двор. Внутри остались лишь трое: Даша, Лера и новенький — Матвей. В тишине пустого класса слышался лишь слабый шум шагов в коридоре.

— Ну так что, показать тебе школу? — Лера подмигнула и весело подошла к парте, за которой сидел Матвей.

— Можно, — коротко ответил он, но взгляд не оторвался от Дарьи, словно каждый его нерв ощущал её присутствие.

Валерия повернулась к подруге и замерла. Дарья сидела, глядя в никуда, и на ресницах предательски блестели слёзы. Одна капля сорвалась и скатилась по щеке.

— Даш, что случилось?.. — мягко спросила Лера, подходя и обнимая её за плечи. Тепло подруги оказалось как спасательный круг.

Дарья молчала, прикусив губу. Внутри у неё шёл тяжёлый диалог самой с собой. «Сказать? Не сказать?.. Зачем? Всё равно уже ничего не изменить.»

— Эй, — прошептала Лера, не отступая, — ну его, правда. Забудь его. Он уехал — ну и пусть. Мы-то с тобой здесь! Ты не одна. А ещё у нас тут… — она бросила шутливый взгляд на Матвея, — …новенький. Надо срочно показать ему нашу прекрасную школу. А то ведь он подумает, что у нас тут скучно и серо.

Она сказала это с такой гротескной интонацией, будто пародировала экскурсовода в музее пыли и поломанных парт, что Дарья не удержалась — уголки её губ дрогнули. Улыбка вырвалась сквозь боль, как первый луч солнца после долгого дождя.

— Ну ладно, — выдохнула она, вытирая глаза. — Пошли уже, экскурсоводы.

— Вот это я понимаю, настрой! — обрадованно хлопнула Лера в ладоши и подмигнула Матвею. — Идём, новобранец. Сейчас покажем тебе легендарный третий этаж, где, по слухам, обитает призрак училки по геометрии!

Матвей тихо усмехнулся, вставая с места. Он прошёл мимо Дарьи и на мгновение задержался рядом с ней, негромко, почти шёпотом, сказав:

— Ты красивая, даже когда грустишь.

Даша удивлённо подняла на него глаза, но он уже шагнул вперёд, догоняя Леру. Сердце Дарьи дрогнуло.

«А если?.. Нет. Стоп. Не сейчас.»

Но она всё же встала и пошла за ними. Школа ждала. И — может быть — что-то ещё.

— Начнём с самого страшного, — усмехнулась Валерия, глядя на Матвея с притворно загадочным видом. — Третий этаж. Или, как его называют старожилы — этаж призраков, запылившихся кабинетов и вечного сквозняка.

Они вышли из класса, и их шаги эхом разнеслись по пустому коридору. Свет из окон ложился полосами на пол, стены были увешаны стенгазетами и фотографиями. Но всё это казалось уже частью прошлого.

— И кто тут у вас обитает? — с лёгкой иронией спросил Матвей, озираясь по сторонам.

— Говорят, призрак учительницы геометрии, — таинственным шёпотом произнесла Лера. — Была строгая, требовала идеальных чертежей. Однажды один ученик не выучил формулы и… исчез! — она хихикнула. — Ну, это, конечно, байки, но атмосферка тут ещё та.

— Особенно по вечерам, — вставила Дарья, и в её голосе послышалась тень былой живости. — Когда все уходят, а в коридоре слышится шаг… и кто-то закрывает двери, хотя ты точно знаешь, что один.

Матвей с интересом посмотрел на неё. Это была первая фраза, которую она произнесла с улыбкой — не той, натянутой, которую она дарила раньше, а живой, тёплой. И он не мог не заметить, как ей будто полегчало.

— Значит, не зря я сюда перевёлся. У вас тут настоящий Хогвартс. Только без сов.

— Ну, если хочешь, заведём тебе сову, — засмеялась Лера. — Вон, на чердаке вроде как что-то шуршит по ночам.

— Спасибо, но лучше кошку. Я за магию без перьев, — подыграл ей Матвей.

Они остановились у окна, из которого открывался вид на школьный двор. Отсюда всё казалось маленьким.

— Вот тут мы когда-то запускали бумажные самолётики, — вдруг сказала Дарья, тихо, будто делилась чем-то личным. — И соревновались, чей улетит дальше.

— А чей улетел? — спросил Матвей.

— Тимура, — автоматически ответила она, а затем осеклась и отвела взгляд.

Валерия быстро вмешалась:

— Зато у меня был самый красивый! С сердечками и блёстками!

— В тебя, вижу, талант художника не пропал, — засмеялся Матвей, глядя на стены, где висели старые школьные плакаты.

— Это я, между прочим, и рисовала, — гордо сказала Лера, указывая на газету "Школьный вестник".

Экскурсия продолжалась. Но третий этаж уже не казался просто коридором. Это был коридор воспоминаний, теней прошлого, но и новых встреч. Дарья незаметно вдохнула поглубже. В груди что-то сдвинулось, будто лёд начал трескаться. Может быть, не всё потеряно. Может быть, даже третий этаж может стать началом чего-то нового.

— Ну что, пора вниз? — бодро сказала Лера.

— Вперёд, — откликнулся Матвей, и они втроём зашагали по скрипучим ступенькам.

Дарья шла чуть сзади. Её пальцы лениво касались холодных металлических перил. Она всё ещё ощущала, как внутри смешиваются тёплые воспоминания о прошлом с тревогой перед будущим. Но ей стало легче. В этом лёгком шуме шагов, во фразах Леры, в спокойном взгляде Матвея было что-то по-настоящему живое.

Второй этаж встретил их запахом полированной доски и чуть затхлого воздуха. Здесь царила тишина.

— А вот тут, — начала Валерия, — проходят самые мучительные уроки — алгебра и физика. Если хочешь, сразу же можешь записаться на факультатив по выживанию.

— Звучит обнадёживающе, — усмехнулся Матвей. — А вот где можно посидеть и просто… спрятаться?

— А вот это, — Лера театрально указала на дальний закуток у окна, — святое место всех тихонь. Наша с Дашей скамейка. Тут можно есть шоколадки и читать книжки под шум дождя.

— Или плакать после двойки, — добавила Дарья вдруг, с иронией. — Или смеяться над глупыми шутками Ильи.

Они остановились у окна. Солнечные лучи ложились на пол, пыль медленно кружилась в воздухе, создавая ощущение замершего времени.

Матвей подошёл к подоконнику и посмотрел вниз, во двор. Его голос прозвучал мягко:

— Хорошая школа. Небольшая, не пафосная… Но в ней есть что-то настоящее.

— Да, — тихо ответила Даша. — В ней осталось много нас.

Лера улыбнулась, довольная, что подруга наконец начала раскрываться. Она почувствовала, как между ними втроём появилась лёгкая нить — ещё не дружба, ещё не что-то определённое, но уже не пустота.

— Ну что, экскурсия продолжается? — Валерия взмахнула рукой. — Впереди — легендарный кабинет труда, где можно пораниться даже на уроке вышивания!

— Тогда я заинтригован, — усмехнулся Матвей и глянул на Дашу. Она впервые за этот день не отвела взгляд. И в этом взгляде — что-то дрогнуло. Совсем чуть-чуть. Но довольно, чтобы всё началось.

Они спустились с лестницы на первый этаж — самый оживлённый и разношёрстный уголок школы. Здесь находились вахта, кабинет директора, библиотека, столовая и медпункт.

— Осторожно, — с улыбкой сказала Лера, шагая первой, — здесь начинается территория начальных классов. Уровень шума в этом секторе сравним разве что с вокзалом в час пик.

— Или с птичьим рынком, — добавила Дарья, уже чуть более бодро. В её голосе проскальзывало живое участие — не то, чтобы веселье, но точно не пустота.

Матвей слушал их, шагая немного позади. Он чувствовал, как атмосфера вокруг становится теплее — как будто по чуть-чуть оттаивал лёд между ними.

— Вот, смотри, — Лера указала налево. — Это кабинет начальных классов. Никогда не заходи туда без разрешения. Эти малыши страшнее всех призраков на третьем этаже.

Из-за двери послышался детский смех, и из приоткрытого окна выглянул мальчик в очках. Он окинул ребят пытливым взглядом и снова скрылся.

— А это библиотека, — сказала Дарья уже более серьёзно. — Моё любимое место. Тут… можно было спрятаться, когда мир становился слишком громким.

— Тихий остров в шумном океане, — кивнул Матвей, вглядываясь в матовое стекло двери. — А можно туда заглянуть?

— Сейчас закрыто, — ответила Лера. — Но если попросим Надежду Васильевну, может, впустит. Хотя… она не очень любит “просто посмотреть”.

Они пошли дальше. Прошли мимо медпункта — из-за приоткрытой двери доносился запах антисептика.

— Здесь я впервые симулировала головную боль, чтобы не писать контрольную, — с гордостью призналась Лера.

— А ты? — вдруг спросил Матвей, глядя на Дашу. — Прогуливала хоть раз?

Дарья вздохнула, качнула головой и чуть улыбнулась:

— Один раз. После… — она замолчала, фраза повисла в воздухе. — Просто не хотелось никого видеть.

— Все мы прятались. Просто у каждого свои причины, — тихо сказал Матвей.

На мгновение повисла тишина, мягкая, принимающая.

Они подошли к вахте. Там сидела Татьяна Ивановна — строгая женщина в очках на цепочке. Она кивнула ребятам, чуть сузив глаза.

— Надеюсь, вы не собираетесь бегать по этажам без дела? — строго, но не без теплоты сказала она.

— Мы просто… экскурсию проводим, — с невинным видом ответила Лера.

— Экскурсию? — переспросила Татьяна Ивановна, глянув на Матвея. — А, это новенький! Ну, тогда ладно. Только ведите себя прилично.

— Всегда, — хором ответили девочки, и Матвей кивнул в знак благодарности.

Они прошли чуть дальше и остановились возле большого окна у лестницы. С улицы тянуло лёгким сентябрьским ветром. На деревьях уже начинала проявляться первая позолота.

— Как думаешь, ты привыкнешь? — спросила Дарья у Матвея, тихо, почти не глядя на него.

Он повернулся к ней:

— Уже начинаю.

Её щеки тронули лёгкие розовые пятна. Она не ответила, но внутри у неё что-то дрогнуло. Ненавязчиво, но ощутимо. Что-то, похожее на надежду.

— А это столовая, — с особым выражением в голосе объявила Лера, сделав торжественный жест в сторону массивных двустворчатых дверей с матовыми окнами.

Матвей остановился, глядя на них, как на вход в таинственный храм.

— И что же... за этими вратами? — с усмешкой спросил он.

— Легендарные битвы за последние булочки, — ответила Дарья, отступив в сторону и слегка склонив голову. В её голосе промелькнуло что-то между иронией и ностальгией.

— Тут всё настоящее, — продолжила Лера, толкая двери плечом. — Настоящие подносы, настоящие компоты и настоящие драматические сцены, когда заканчиваются макароны по-флотски.

Они вошли внутрь. Запах еды — смесь поджаренного хлеба, капустной запеканки и чего-то сладкого — ударил в лицо, навевая воспоминания. Длинные ряды столов, вытертые до блеска, ровно стояли на плиточном полу. В этот момент столовая была почти пуста.

— Здесь мы с Тимуром сидели в последний день перед его отъездом, — тихо прошептала Даша, остановившись у одного из столов у окна. В её голосе не было злости — только усталое, тонкое эхо воспоминания.

Валерия бросила на неё взгляд, полный поддержки, но промолчала. Матвей не стал задавать вопросов. Он, просто молча, встал рядом.

— А я... сяду здесь, — вдруг сказал он с лёгкой улыбкой. — Начну создавать свою историю в этой столовой.

Дарья посмотрела на него. Уголки её губ дрогнули.

— Только не садись спиной к входу — это место для самых смелых. В любой момент кто-то может налететь с подносом.

— Значит, идеальное место для меня, — усмехнулся Матвей, устраиваясь на табурете.

Лера засмеялась.

— Ну что ж, господа, предлагаю экскурсию по священным традициям школьной трапезы. Первое правило: компот — святое. Второе — не бери последнюю булочку, если хочешь сохранить дружбу.

Даша рассмеялась. Чисто, легко, впервые за долгое время. И в этом смехе было что-то освобождающее. В этот момент она поняла: необязательно забывать, чтобы жить дальше. Можно просто идти. С тем, что было. С тем, что есть. И с тем, что может быть.

— А это… спортивный зал, — сказала Лера с ноткой уважения в голосе.

Они остановились у высоких дверей, выкрашенных в выцветший синий цвет. За ними слышались отдалённые звуки — стук мяча об пол, чей-то свист.

Валерия приоткрыла одну створку, и внутрь сразу хлынуло прохладное, пыльное и чуть влажное дыхание зала. Пространство внутри было огромным — высокие потолки, натянутые сетки, деревянные скамейки вдоль стен и длинные канаты, свисающие из-под крыши.

— Здесь пахнет потом, каникулами и разбитыми коленками, — заметил Матвей, вдыхая воздух, полный спортивной истории.

— И ещё — надеждами попасть в сборную, — добавила Дарья, её голос стал мягким, почти задумчивым.

Она сделала пару шагов вперёд и провела пальцами по шершавой поверхности стенда с расписанием соревнований. Здесь ещё висели пожелтевшие фотографии победителей школьных турниров. На одной из них, где ребята стояли с кубком, был Тимур. Он улыбался, держа мяч в руке.

Даша замерла.

«Он был счастлив здесь. И я была рядом. А потом — всё стало другим…»

Матвей подошёл ближе, заметив её взгляд. Он ничего не сказал. Просто рядом постоял, давая ей пространство — и, одновременно, свою незримую поддержку.

— Мы раньше устраивали здесь баталии по пионерболу, — весело сказала Лера, нарушая паузу. — Мяч летал как безумный, а мы визжали так, будто на нас нападали драконы.

— Ты же всегда вела себя тихо на уроках, — поддразнила её Дарья, уже с лёгкой улыбкой.

— Тихо? Я? Да я самая громкая болельщица в истории этого зала! — Лера театрально всплеснула руками. — А один раз, между прочим, я сдала норматив на "отлично". Правда, это был пресс... и я почти умерла после, но всё равно горжусь!

Матвей рассмеялся.

— Похоже, это место хранит множество героических подвигов.

— Да уж, — хмыкнула Дарья. — Тут было всё: слёзы, синяки, победы, смех. Иногда казалось, что здесь сердце школы. Оно бьётся, как пульс на старте.

— А у тебя был любимый спорт? — спросил Матвей, глядя на неё.

— Бег. Когда бежишь — как будто улетаешь. Всё вокруг становится тише… и легче.

— Значит, ты летала здесь часто? — тихо, почти бережно спросил он.

Дарья кивнула. В груди у неё дрогнуло: от слов, от воспоминаний, от того, что кто-то снова хочет её понять — без давления, без ожиданий.

— А ты? — спросила она в ответ.

— Я больше по баскетболу. Мяч, кольцо и цель. Простая логика, никаких лишних мыслей.

Они стояли в центре зала — трое подростков, каждый со своей историей, со своими шрамами, мечтами и улыбками. Под потолком мерно качались кольца для лазанья. Свет скользил по глянцевому полу. И казалось, будто стены слушают. И запоминают.

Когда они вышли из здания, солнце уже клонилось к горизонту, заливая школьный двор мягким, золотистым светом. Асфальт был ещё тёплый после дня. Воздух пах листвой, пылью и каким-то особым, сентябрьским ожиданием.

— А вот и наш знаменитый двор, — сказала Лера, раскинув руки в стороны. — Самое живое место школы.

— Здесь всё и происходило, — тихо добавила Дарья, проводя взглядом по знакомым скамейкам, где они раньше сидели вчетвером, впятером… с Тимуром.

Матвей кивнул, не перебивая. Он чувствовал, что для Дарьи это место наполнено историями. Он прошёлся по площадке, вглядываясь в детали: баскетбольное кольцо, сетку на футбольных воротах, дерево у забора, под которым лежали блестящие каштаны.

— Это дерево зовут «Секретное», — с улыбкой пояснила Лера, догнав его. — Под ним когда-то закапывали капсулу времени. А ещё тут признавались в любви. И прятались от дежурных.

— Правда? — Матвей присел на корточки, глядя на землю. — А что с капсулой?

— Мы её откроем через год, — сказала Дарья, подойдя ближе. — Там записки. Наши. С мечтами и предсказаниями. Мне было четырнадцать… я ещё верила, что всё можно удержать, если пообещать.

Она замолчала. Сердце билось чаще. Эти слова вырвались из неё словно случайно, но, сказав, она почувствовала... облегчение.

— Думаю, ты всё ещё можешь верить, — сказал Матвей, глядя на неё спокойно, без нажима.

Дарья посмотрела на него и впервые в полной тишине позволила себе... поверить ему. Хоть на секунду. Хоть чуть-чуть.

— Тут мы бегали на переменах, — Лера обвела взглядом двор, чтобы разрядить напряжение. — Один раз я даже растянулась вот тут. Упала прямо перед Ильёй. Он до сих пор вспоминает.

— Упал — влюбился? — усмехнулся Матвей.

— Почти. Он тогда дал мне платок. Я его храню, кстати! — Лера засмеялась, а потом добавила с теплотой: — Но всё это было… до. А сейчас, наверное, всё будет по-другому.

— И в этом есть что-то хорошее, — сказал Матвей, глядя на Дарью.

Даша кивнула. Ветер тронул её волосы. И ей показалось — впервые за долгое время — что воздух вокруг стал чище, мягче. Как будто осень пришла не забирать, а возвращать.

Во дворе школы располагалась большая площадка. Асфальт был тёплый от солнца, кое-где покрытый мелкими трещинами и потёртыми линиями. В воздухе висел запах пыли, кед, и чего-то живого — адреналина, юности, лета.

— Вот она, арена героев, — шутливо произнесла Лера. — Тут не одно сердце было разбито мячом… и взглядом.

Дарья чуть улыбнулась. Её взгляд скользнул по площадке и остановился на знакомых лицах. Максим и Илья были в самом разгаре игры. Макс ловко обвёл кого-то с мячом, а Илья кричал:

— Да бей же, бей! Макс, с правой!

— Да знаю я! — отозвался тот, отпрыгнул и послал мяч точно в импровизированные ворота, сделанные из двух школьных рюкзаков.

— Гол! — заорал кто-то из ребят.

К ним подбежала девочка в шортах и хвостиках:

— Макс, ты зверь! Это уже третий!

— Спасибо, я скромный, но талантливый, — фыркнул он, отдуваясь.

В этот момент Илья заметил подошедших.

— Лера! Даша! — крикнул он, махая рукой. — И… новенький, привет! Идёте играть?

Матвей на секунду замер. Он скользнул взглядом по площадке. Его пальцы сжались в кулак — от волнения и возбуждения.

— А вы часто так? — спросил он у Леры.

— Почти каждый вечер. Ну… когда не лень. Или когда кто-то хочет кому-то что-то доказать, — подмигнула она.

— Тогда, думаю, я попробую, — сказал Матвей, скинул рюкзак и направился на площадку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.